

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
Вестник
международный научный журнал

6
2022

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№6 (39) / 2022

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Седип А.А. Формирование новых отраслей права в условиях информационного общества	1
Седип А.А. Факторы, влияющие на выделение и развитие новых отраслей права в условиях информационного общества	2

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Константинова К.С., Смирнова А.А. Повышение избирательной активности граждан и развитие демократического общества	5
Пономарев С.Ю. Граждане как субъекты предвыборной агитации в определении ее сущности: столкновение публичного и частного интересов	7

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Воронцова А.В., Демиева А.Г. Соотношение категорий «охрана» и «защита» информационных прав	11
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Александров И.О. Место несостоятельности (банкротства) в системе способов прекращения деятельности юридического лица	13
Низамиева О.Н., Агафонова А.А. Правовой режим деятельности лиц, привлекающих инвестиции в форме цифровых прав	15
Устинова А.В. К вопросу о юридическом признании классических и современных типов вещания	18

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Климонтова Е.Ю. Актуальные проблемы отграничения кражи от находки	20
Климонтова Е.Ю. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним	23
Кузина Т.В. Роль жестокости в составе преступления	26

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Гордиенко П.Н., Чиркова У.Н.

Актуальные проблемы следственных действий, связанных с ограничением прав и свобод человека 29

Дзусов Р.С.

Защита информации о личности как способ обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства 32

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Марьева Л.В.

Мотивированность приговора как требование, предъявляемое к акту правосудия 36

Марьева Л.В.

Современные проблемы постановления оправдательного приговора 38

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Формирование новых отраслей права в условиях информационного общества

Седип Айрана Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дубровский Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

Статья посвящена вопросам о формирования новых отраслей права в условиях информационного общества. Также рассмотрены основные направления развития законодательства Российской Федерации, особенности появления новых отраслей права как информационное право, «право информационных технологий», административное законодательство, прежде всего, законодательство о чрезвычайных ситуациях, законодательство об охране здоровья граждан, трудовое законодательство и т. д.

Ключевые слова: отрасли права, информационное общество, российское законодательство, нормотворческая, законотворческая деятельность, социальное государство, правовое регулирование.

Динамичное развитие российского законодательства, возникающих в нем общественных отношений приводят к формированию новых отраслей права.

«В настоящее время одной из важнейших тенденций развития российского законодательства является высокая интенсивность нормотворческой, в том числе законотворческой, деятельности.

Зарождение и развитие этой тенденции обусловлено, в частности, тем, что поиск правовых инструментов, обеспечивающих эффективное развитие российской экономики, поддержание макроэкономической стабильности, а также развитие человеческого потенциала, в контексте соблюдения и обеспечения баланса конституционных принципов социального государства и свободы предпринимательской деятельности, продолжается. Кроме того, под воздействием процессов развития информационно-телекоммуникационных технологий, нано- и биотехнологий, в условиях глубоких структурных изменений в мировой экономике, обусловленных сменой технологических и мирохозяйственных укладов в сферу правового регулирования все чаще вовлекаются общественные отношения, ранее правом не регулировавшийся, а также отношения, которые должны, но по объективным причинам в настоящее время не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме. Вследствие этого на протяжении последних как минимум пяти лет основными направлениями развития законодательства Российской Федерации в настоящее время являются:

- повышение качества государственного управления;
- создание условий для экономического роста, включая формирование и реализацию единой регуляторной политики, а также совершенствование

правовых инструментов развития отдельных отраслей экономики;

- формирование правовых основ цифровой экономики и научно-технологического развития;
- развитие институтов социальной сферы и повышения качества жизни;
- сбалансированное региональное развитие» [2].

Растущие потребности в правовом регулировании в информационном обществе приводят к появлению новой отрасли права как информационное право. Роль и значение, основные направления информационного права определяют особенности составляющих его элементов. Переход к информационному обществу определяет важность изучения информационного содержания социальных процессов, входящих в сферу интересов права. Необходимо учитывать формы перемещения, представления и использования соответствующей информации в целом по предметам правового исследования.

«В последнее время влияние технологий на право не ограничивается исключительно интернетом — значимыми для права могут оказаться разнообразные информационные технологии. В этих условиях получило развитие «право информационных технологий» (Information Technology Law, сокр. — IP Law, Technology Law, Tech Law). Но опять-таки речь шла не о новой самостоятельной отрасли права, а о совокупности разноотраслевых правовых норм и институтов, регулирующих отношения, так или иначе связанные с применением различных информационных технологий, включая, разумеется, интернет. Например, в книге «Information Technology Law» во главу угла поставлен именно интернет и связанные с ним вопросы электронной торговли, защиты данных, национальной безопасности, диффамации, распространения

вирусов, виртуальные игры, но много внимания уделяется положениям законодательства, регулирующего область информационных технологий, а также уголовного права, права интеллектуальной собственности, договорного права.

На фоне такого изобилия терминов, фактически обозначающих одну и ту же сущность, — интернет-право, киберправо, право киберпространства, компьютерное право, право информационных технологий — введение в правовой обиход еще и понятия «цифровое право» (Digital Law) может показаться излишним. Но его появлению можно найти объяснение» [1, с. 4].

Пандемия предопределила приоритетность развития в Российской Федерации в 2020–2021 гг. таких отраслей законодательства, как административное законодательство, прежде всего, законодательство о чрезвычайных ситуациях, законодательство об охране здоровья граждан, трудовое законодательство и т. д. При этом по мере развития кризисной ситуации «центр тяжести» в развитии законодательства смещается с корректировки законода-

тельства о чрезвычайных ситуациях на социальное законодательство.

Исследования показывают, что правовое регулирование должно быть разработано таким образом, чтобы оно было одинаково функциональным и эффективным как в обычных, так и в чрезвычайных условиях.

Необходимо разработать нормативные «шаблоны» и алгоритмы в соответствии со стратегическими сценариями оперативного приведения правового регулирования в соответствие с «аварийными рельсами», по аналогии с ранее предусмотренными возможностями, например, перепрофилировать макаронный завод по производству патронов и учебные заведения в больницу с зенитным бомбоубежищем (как это было в СССР после Великой Отечественной войны) или культурно-развлекательный центр в медицинский госпиталь (примеры, которые мы наблюдали в последние месяцы).

При этом упомянутые изменчивые модели и закономерности могут стать неотъемлемой частью современной правовой реальности российского законодательства.

Литература:

1. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. 2020. № 4. С. 3–13.
2. Хабриева Т. Направления развития законодательства в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 2021. 8 декабря. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/napravleniya-razvitiya-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii/>

Факторы, влияющие на выделение и развитие новых отраслей права в условиях информационного общества

Седип Айрана Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дубровский Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

Статья посвящена вопросам о формировании новых отраслей права в условиях информационного общества. Также рассмотрены основные направления развития законодательства Российской Федерации, особенности появления новых отраслей права как информационное право, «право информационных технологий», административное законодательство, прежде всего, законодательство о чрезвычайных ситуациях, законодательство об охране здоровья граждан, трудовое законодательство и т. д.

Ключевые слова: отрасли права, информационное общество, российское законодательство, нормотворческая, законотворческая деятельность, социальное государство, правовое регулирование.

Динамичное развитие российского законодательства, возникающих в нем общественных отношений приводят к формированию новых отраслей права.

«В настоящее время одной из важнейших тенденций развития российского законодательства является высокая интенсивность нормотворческой, в том числе законотворческой, деятельности.

Зарождение и развитие этой тенденции обусловлено, в частности, тем, что поиск правовых инструментов, обеспечивающих эффективное развитие российской экономики, поддержание макроэкономической стабильности,

а также развитие человеческого потенциала, в контексте соблюдения и обеспечения баланса конституционных принципов социального государства и свободы предпринимательской деятельности, продолжается. Кроме того, под воздействием процессов развития информационно-телекоммуникационных технологий, нано- и биотехнологий, в условиях глубоких структурных изменений в мировой экономике, обусловленных сменой технологических и мирохозяйственных укладов в сферу правового регулирования все чаще вовлекаются общественные отношения, ранее правом не регулировавшиеся, а также

отношения, которые должны, но по объективным причинам в настоящее время не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме. Вследствие этого на протяжении последних как минимум пяти лет основными направлениями развития законодательства Российской Федерации в настоящее время являются:

- повышение качества государственного управления;
- создание условий для экономического роста, включая формирование и реализацию единой регуляторной политики, а также совершенствование правовых инструментов развития отдельных отраслей экономики;
- формирование правовых основ цифровой экономики и научно-технологического развития;
- развитие институтов социальной сферы и повышения качества жизни;
- сбалансированное региональное развитие» [2].

Растущие потребности в правовом регулировании в информационном обществе приводят к появлению новой отрасли права как информационное право. Роль и значение, основные направления информационного права определяют особенности составляющих его элементов. Переход к информационному обществу определяет важность изучения информационного содержания социальных процессов, входящих в сферу интересов права. Необходимо учитывать формы перемещения, представления и использования соответствующей информации в целом по предметам правового исследования.

«Трансформационные процессы в России обусловили качественно другое видение структуры правовой науки. Исследование юридической жизни выступает как самостоятельное направление правовой мысли и образует один из компонентов правовой теории. Однако, как нам представляется, при этом правовое научное мышление в процессе постоянного расширения своих границ при поступательном движении всегда опирается на сложившуюся систему знаний, фиксирующую результаты предшествующего изучения реальности.

Трансформация правосознания обнажила все существующие сложности правового развития общества и поэтому нуждается в особом внимании со стороны правовых научных деятелей и специалистов в этой области. Назревающая волна проблем данного процесса требует новых сил, средств и методов со стороны, как институциональных структур, так и рядовых граждан. Данная категория правовой науки позволяет проследить переход от теории анализа эмпирического материала — объяснения и понимания существующей реальности, обусловленной историческими изменениями, к практической стороне вопроса, проследить за генезисом правосознания.

Прошедшее столетие стало эпохой значительных преобразований в демократическом плане, которые подразумевают развитие и становление фундамента правового государства. В таких условиях общественное мировоззрение стали рассматривать в качестве значимого начала перехода или трансформации общественного со-

знания на общие цивилизационные основы. Тем самым необходимость понимания общественных основ, посредством которых реализуются нормы права, становится важнейшей составной частью правосознания» [2, с. 31].

«В последнее время влияние технологий на право не ограничивается исключительно интернетом — значимыми для права могут оказаться разнообразные информационные технологии. В этих условиях получило развитие «право информационных технологий» (Information Technology Law, сокр. — IP Law, Technology Law, Tech Law). Но опять-таки речь шла не о новой самостоятельной отрасли права, а о совокупности разноотраслевых правовых норм и институтов, регулирующих отношения, так или иначе связанные с применением различных информационных технологий, включая, разумеется, интернет. Например, в книге «Information Technology Law» во главу угла поставлен именно интернет и связанные с ним вопросы электронной торговли, защиты данных, национальной безопасности, диффамации, распространения вирусов, виртуальные игры, но много внимания уделяется положениям законодательства, регулирующего область информационных технологий, а также уголовного права, права интеллектуальной собственности, договорного права.

На фоне такого изобилия терминов, фактически обозначающих одну и ту же сущность, — интернет-право, киберправо, право киберпространства, компьютерное право, право информационных технологий — введение в правовой обиход еще и понятия «цифровое право» (Digital Law) может показаться излишним. Но его появлению можно найти объяснение» [1, с. 4].

«В России позитивное и традиционное отношение к праву, выступающему в качестве регулятора общественных отношений, сформировалось достаточно давно. Более того, оно продолжает утверждаться и развиваться и приводит к тому, что в правосознании граждан наблюдается минимальное пересечение области индивидуального и социального бытия личности и права граждан. Разумеется, это обуславливает противоречие объективной тенденции расширения значения права в жизни россиян. Полагаем, несоответствие подобного рода связано с наличием не соответствующих демократическим идеалам, неэффективных норм и массовой тенденцией отказа от правил правового регулирования. Всё это приводит к тому, что у граждан отсутствует интерес к знанию норм настоящего права» [2, с. 36].

Пандемия предопределила приоритетность развития в Российской Федерации в 2020–2021 гг. таких отраслей законодательства, как административное законодательство, прежде всего, законодательство о чрезвычайных ситуациях, законодательство об охране здоровья граждан, трудовое законодательство и т. д. При этом по мере развития кризисной ситуации «центр тяжести» в развитии законодательства смещается с корректировки законодательства о чрезвычайных ситуациях на социальное законодательство.

Исследования показывают, что правовое регулирование должно быть разработано таким образом, чтобы оно было одинаково функциональным и эффективным как в обычных, так и в чрезвычайных условиях.

Необходимо разработать нормативные «шаблоны» и алгоритмы в соответствии со стратегическими сценариями оперативного приведения правового регулирования в соответствие с «аварийными рельсами», по аналогии с ранее предусмотренными возможностями,

например, перепрофилировать макаронный завод по производству патронов и учебные заведения-больницу с зенитным бомбоубежищем (как это было в СССР после Великой Отечественной войны) или культурно-развлекательный центр в медицинский госпиталь (примеры, которые мы наблюдали в последние месяцы).

При этом упомянутые изменчивые модели и закономерности могут стать неотъемлемой частью современной правовой реальности российского законодательства.

Литература:

3. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // *Хозяйство и право*. 2020. № 4. С. 3–13.
4. Фролов, А. Н. Факторы, влияющие на трансформацию правосознания в современной России / А. Н. Фролов // *Вестник ВГУ*. — 2019. — № 2. — С. 26–37.
5. Хабриева Т. Направления развития законодательства в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 2021. 8 декабря. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/napravleniya-razvitiya-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii/>

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Повышение избирательной активности граждан и развитие демократического общества

Константинова Кристина Сергеевна, студент;

Смирнова Ангелина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Каляшин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье определена сущность избирательной активности, выделены факторы, обуславливающие ее снижение в современный период. Обоснованы направления повышения избирательной активности как условие дальнейшего развития демократического общества в России.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, избирательная активность, политическая социализация.

Важнейшим критерием эффективности функционирования любого демократического общества является избирательная активность населения. Высокий уровень участия граждан в выборах демонстрирует их доверие к власти и уверенность в легитимности избирательных процедур. Поэтому в зарубежной и отечественной науке вопросам измерения и повышения избирательной активности населения уделяется повышенное внимание.

Избирательная активность граждан может быть определена как относительный показатель участия населения в выборах, измеряемый количественно по явившимся избирателям и проголосовавшим в итоге, по отношению к списочному составу избирательных списков. На основе оценки уровня избирательной активности можно сделать выводы о политической и гражданской позиции населения [1, с. 118].

Актуальной проблемой для России является стабильно сниженный уровень избирательной активности населения, в особенности молодежи. К. А. Хохлова выделяет следующие факторы, обуславливающие низкую избирательную активность граждан: проблемы в информационном обеспечении населения, обращения граждан в органы государственной власти не обрабатываются, либо практически не решаются, не выполняются обязанности жилищно-коммунальных служб, происходят многочисленные изменения избирательного законодательства на региональном и местном уровне [5, с. 127].

В этой связи необходимо подчеркнуть важность целенаправленной и комплексной государственной политики по обеспечению политической социализации населения, в первую очередь молодежи. Активное участие

в этом процессы должны принимать как органы власти и должностные лица, так и учреждения образования, воспитания, культуры, общественные организации.

Представляется возможным выделить три условные возрастные группы молодежи, различающиеся по уровню и особенностям проявления сниженной избирательной активности.

Во-первых, это подростки в возрасте от 14 до 18 лет: по положениям законодательства они еще не обладают избирательным правом, однако в краткосрочной перспективе станут частью электората. Уровень их избирательной активности определяется условиями семейного воспитания и образования в школе, а также воздействием социальных сетей, рекламных и пиар-кампаний.

В качестве эффективного инструмента повышения избирательной активности школьников В. В. Олейников предлагает проведение ежегодных региональных олимпиад по избирательному законодательству, одной из целей которых является поддержание интереса обучающихся к изучению избирательного законодательства и механизмов избирательного процесса, содействие профессиональной ориентации обучающихся [3, с. 101].

Во-вторых, низкой избирательной активностью характеризуются молодые люди 18–23 лет, в основном студенты средних профессиональных и высших учебных заведений. Чаще всего они посещают первые в своей жизни выборы, однако впоследствии уровень их избирательной активности резко снижается. Кроме того, студенческая молодежь зачастую делает выбор кандидатов не из-за их политической позиции, а поддаваясь влиянию знакомых, друзей или ярких, провокационных избирательных кампаний.

Для повышения избирательной активности данной возрастной группы следует организовывать регулярные встречи студентов с действующими депутатами и кандидатами, конференции и конкурсы. Эффективным будет привлечение молодежи к личному участию в электоральном процессе посредством наблюдения за ходом выборов, содействия в подсчете голосов, агитации населения.

Политической социализации молодежи способствует и участие в деятельности общественных организаций экологической, спортивной, благотворительной и прочей направленности. При этом необходимо создать в этих организациях самоуправленческие структуры на выборной основе, где молодые люди смогут проявить себя, показать лидерские качества, научатся находить компромиссы и сформируют политическую позицию.

Интересный опыт привлечения студенческой молодежи к участию в выборах предлагает О. В. Иванова: избирателям предлагали проголосовать, а затем сфотографироваться в специальных фоторамках, установленных на избирательных участках. Фотографию надо было выложить в Instagram или во «ВКонтакте» с хэштегом конкурса и названием города. Для продвижения конкурса были привлечены «звездные избиратели»: актеры, музыканты и блогеры. В качестве призов разыгрывались интересные для молодежи гаджеты iPhone и iPad [2, с. 29].

В-третьих, сохраняется недостаточная избирательная активность у молодых людей в возрасте 24–30 лет: это выпускники учебных заведений, которые уже создают семью и начинают активно работать, строить карьеру.

Сталкиваясь с трудностями в поисках работы, низкой оплатой труда, недоступностью собственного жилья, такие молодые люди испытывают недоверие и неприязнь к избирательным процедурам, либо не приходят на выборы, либо занимают оппозиционную позицию.

Для повышения избирательной активности работающей молодежи следует налаживать взаимодействие с руководителями организаций и предприятий, стимулировать молодых людей к участию в выборах. При этом важно показать молодежи наличие реальных возможностей отдавать свой голос в пользу выбранных кандидатов, показать важность участия в выборах в целях воздействия на государственную, региональную и муниципальную политику.

Особое внимание нужно уделить проведению информационных кампаний в социальных сетях. Важно, чтобы концепции и принципы проведения выборов были понятны и прозрачны для молодежи, для чего следует отказаться от консервативных и традиционных методов электоральной рекламы [4, с. 96].

Таким образом, повышение избирательной активности граждан является приоритетной задачей российского государства. При этом особое внимание надо уделять формированию активной гражданской позиции и политической социализации школьников и молодежи. Это детерминирует применение современных политических и избирательных технологий, нацеленных на повышение уровня правовой и политической культуры молодежи, что является необходимым условием развития демократического общества.

Литература:

1. Алексеев, Р. А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии / Р. А. Алексеев. — М.: Инфра-М, 2019. — 211 с.
2. Иванова, О. В. Молодежь и выборы. Повышение избирательной активности / О. В. Иванова // Выборы: теория и практика. — 2019. — № 3 (51). — С. 27–30.
3. Олейников, В. В. Формирование молодежного кадрового резерва избирательных комиссий как фактор повышения электоральной активности / В. В. Олейников // Аспирант. — 2022. — № 2 (70). — С. 99–101.
4. Слободчикова, С. Н. Свободные выборы как избирательный стандарт / С. Н. Слободчикова. — М.: Юстицинформ, 2022. — 188 с.
5. Хохлова, К. А. Изменения избирательного законодательства на региональном и местном уровне, как один из факторов низкой электоральной активности населения на муниципальных выборах / К. А. Хохлова // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. — 2021. — № 14. — С. 127–130.

Граждане как субъекты предвыборной агитации в определении ее сущности: столкновение публичного и частного интересов

Пономарев Сергей Юрьевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор анализирует научные и практические подходы к определению соотношения публичного и частного интересов в правовом регулировании предвыборной агитации и определению законодателем ее сущностных черт. Выделяются и критикуются подходы к осмыслению проблемы столкновения этих интересов и выражению попыток ее решить в правовом определении круга субъектов агитации, характера взаимодействия субъектов с объектами, прав субъектов.

Ключевые слова: предвыборная агитация, правовое регулирование предвыборной агитации, сущность предвыборной агитации, субъекты предвыборной агитации, право на свободные выборы, права человека, права гражданина, избирательная правоспособность граждан.

Для понимания сущности предвыборной агитации как явления, правовой категории и объекта регулирования недостаточно провести границы, отделяющие ее от смежных понятий, определить ее сущностные черты и квалифицирующие признаки. Предвыборная агитация носит публично-правовой характер, в отношении нее установлен очень жесткий правовой режим, призванный защищать публичные интересы. Но границы этого режима неизбежно должны упираться в интересы частные, в базовые права и свободы человека. Проблема установления баланса между правом на свободные выборы и правом на свободу слова как предмет научных споров не теряет актуальности. Кажется, даже наоборот.

Неоднократно этот вопрос рассматривался и в Конституционном Суде Российской Федерации. Отсылая к условиям поиска вышеназванного баланса, Конституционный Суд приводит правовые позиции Европейского суда по правам человека: «право на свободу слова <...> необходимо рассматривать в свете права на свободные выборы; свободные выборы и свобода слова, в особенности свобода политической дискуссии, образуют основу любой демократической системы; оба права взаимосвязаны и укрепляют друг друга, поэтому особенно важно, чтобы в период, предшествующий выборам, всякого рода информация и мнения циркулировали свободно; однако при некоторых обстоятельствах эти два права, цель которых — обеспечить свободное выражение мнения народа при избрании законодательной власти, могут вступить в конфликт, и тогда может быть сочтено необходимым введение до или во время проведения выборов определенных ограничений свободы слова, которые неприемлемы в обычных условиях; устанавливая равновесие между этими двумя правами, государства — участники Конвенции достаточно свободны в своем усмотрении, как и во всем, что связано с организацией избирательной системы» [9].

Как справедливо отмечает С. В. Васильев, российский законодатель в поиске баланса между разными по своей природе правами гражданина в вопросе правового регулирования предвыборной агитации готов в широких пределах жертвовать «свободой слова» в пользу принципа «равенства» участников предвыборного процесса и его

«чистоты», обеспечиваемой, например, «прозрачным» финансированием предвыборной агитации только из избирательных фондов. Правоприменительная практика все чаще показывает, что «гражданин-избиратель фактически выводится из предвыборной агитации как её активный субъект и превращается в объект агитационного воздействия» [11].

С одной стороны, действительно, право на предвыборную агитацию не признается Конституцией Российской Федерации основным, «естественным» правом. Свободу выражения мнений нельзя отождествлять со свободой предвыборной агитации, и ни в одном из международных правовых актов, как пишет Т. Ю. Архирейская, право на предвыборную агитацию не рассматривается в качестве нормативного элемента свободы слова, свободы выражения мнений, свободы распространения информации [4].

И все же, как отмечает Конституционный Суд, при «осуществлении нормативного регулирования, направленного на разрешение возможных коллизий между правом на свободные выборы, с одной стороны, и свободой слова и выражения мнений — с другой, федеральный законодатель связан необходимостью обеспечения конституционных прав граждан как избирателей» [9]. Как бы не опровергая установку государства на приоритетизацию публичных интересов в защите права на свободные выборы перед частными в защите права на свободу слова, Конституционный суд уводит рассмотрение проблемы в плоскость соотношения различных прав субъектов избирательного процесса. Из конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом выводится невозможность рассмотрения граждан лишь в качестве объекта предвыборной агитации, важность защиты их интересов, реализуемых в роли субъекта.

Однако научное осмысление этой проблемы отсылает ряд авторов к вопросам не только соотношения публичных и частных интересов или различных прав субъектов избирательного процесса, но и защиты, обеспечения ряда иных базовых прав и свобод человека. Например, С. А. Авакьян видит угрозу праву человека

на свободу мысли, понимаемую им как отражение скорее не внешнего, а внутреннего состояния личности, в политическом воздействии на личность со стороны, «которое формирует нужную линейность мысли (своего рода зомбирование)». По мнению автора, в свободе мысли пришло время «видеть политичность, соответственно думать о способах, как уберечь личность от подобного целевого воздействия в интересах каких-то политических идей и сил» [12].

С. А. Авакьян воздерживается от прямых выводов о необходимости усиления правового регулирования предвыборной агитации в целях подобного обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан и затрудняется ответить на вопрос, можно ли вообще с помощью конституционно-правовых средств избежать «манипулирования духовным миром человека». Но сама постановка вопроса подобным образом представляется весьма спорной. История показывает, что логика принудительной «защиты» сознания человека от любого информационного воздействия на пути к своему экстремуму легко приводит к утрате реальной легитимности законодотворцев и полному ограничению свободы слова, а видеть «политическое» можно в очень широком спектре воздействия, в том числе культурном и ценностном. Такая защита человека от политического воздействия со стороны произвольного круга субъектов лишает человека механизмов контроля за воздействием на него уже со стороны государства, которое может представлять угрозу вышеупомянутой свободе мысли и другим конституционным правам и свободам не в меньшей степени. К тому же, как справедливо отмечает С. В. Васильев, уже сейчас в России тяжело назвать иллюзорными риски «сокрытия «информационного диктатора» под вывеской текущего освещения событий, связанных с повседневной деятельностью властных органов по управлению страной и регионами в интересах всего общества, не имеющей отношения к предвыборной агитации» [11]. Административный ресурс действительно и сегодня дает представителям власти неоспоримые преимущества в управлении информационным пространством и использовании информационных потоков в условиях избирательных кампаний.

Но вернемся к позиции Конституционного Суда о невозможности рассмотрения граждан лишь в качестве объекта предвыборной агитации. Роль и статус гражданина в правоотношениях по поводу предвыборной агитации, дифференциация статуса ее субъектов — это и самостоятельный дискуссионный вопрос.

Вышеописанную позицию Конституционный Суд сформулировал в Постановлении от 14 ноября 2005 г. № 10-П в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в которой оспаривалось законодательное положение, предусматривающее оплату расходов по проведению предвыборной агитации исключительно за счёт средств соответствующих избирательных фондов в установленном законом порядке. По мнению А. А. Макарецва, оно было направ-

лено на расширение избирательной правоспособности рядовых избирателей [11]. Суд, во-первых, право агитировать против всех участвующих в выборах кандидатов отнёс к признанным законодателем избирательным правам граждан. Во-вторых, счел, что «... норма, <...> предполагающая запрет на проведение предвыборной агитации, направленной против всех кандидатов, гражданами лично за счет собственных денежных средств, представляет собой чрезмерное, не обусловленное конституционно значимыми целями ограничение свободы слова и права на распространение информации в форме предвыборной агитации, не отвечает требованиям определенности и недвусмысленности и потому не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19, 29 (части 1 и 4) и 55 (часть 3)» [9].

И уже тогда подобная позиция не была принята внутри Конституционного Суда единогласно и подверглась критике ряда судей. Например, в своем особом мнении Н. С. Бондарь, согласившись с тезисом об отсутствии законодательного запрета на самостоятельную агитацию «против всех» гражданами, в то же время счел запрет на ее финансирование из личных средств обоснованным. Допущение этого, по его мнению, «может привести к созданию необоснованных преимуществ в соотношении с иными участниками избирательного процесса, а также ставит под сомнение финансовую открытость выборов и возможность осуществления эффективного демократического гражданского контроля за ходом их финансирования и проведения» [9]. Однако запрет на финансирование гражданами самостоятельной агитации из собственных средств, как отмечает Н. С. Бондарь, не лишает гражданина права на осуществление агитации как такового, оставляя возможности для форм агитации, не требующих финансовых затрат. То есть ограничение правоспособности в его понимании не лишает рядового гражданина субъектности в отношении предвыборной агитации, что исчерпывает проблему.

С такой позицией согласились в своих особых мнениях и некоторые другие судьи — Л. О. Красавчикова и С. П. Маврин.

Г. А. Гаджиев в ответ задается другим вопросом: можно ли ту самую финансовую открытость выборов и возможность осуществления эффективного демократического гражданского контроля за ходом их финансирования и проведения, защитой которой Н. С. Бондарь обосновывает необходимость сохранения запрета на финансирование гражданами самостоятельной агитации из собственных средств, защитить иначе, соблюдая при этом вытекающий из конституционного права баланс между правом на свободные выборы и правом на свободу слова? Рассуждая о присуждаемой избирательным комиссиям роли в обеспечении контроля за финансированием агитации, Г. А. Гаджиев видит обеспечение подлинно свободных выборов в информированности самих избирателей, обеспечиваемой через указание источников финансирования в агитационных материалах. И только в этом случае, по его мнению, одно конституционное право

(право на свободу мнений) будет приводить к усилению другого права (права на свободные выборы). Именно из свободной борьбы идей и мнений возникает некая гармония в виде истины [9]. Таким образом, Г. А. Гаджиев защищает положенный в основу Конституции всеобщий либеральный принцип, увязывая защиту публичных интересов в праве на свободные выборы с защитой в первую очередь интересов частных. И там, где баланс между правом на свободные выборы и правом на свободу слова общество может обеспечить самостоятельно, государство вместо того, чтобы директивно устанавливать этот баланс, может помочь гражданскому обществу в формировании условий и гарантий такого самостоятельного обеспечения.

Тем не менее, в последующих своих решениях Конституционный Суд РФ подтвердил ограниченную избирательную правоспособность граждан. Например, в Постановлении от 16 июня 2006 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» поясняет, что «... граждане, не являющиеся кандидатами и не выступающие от имени кандидатов (избирательных объединений), вправе проводить предвыборную агитацию только в таких формах и такими методами, которые не требуют финансовых затрат» [10]. Из возможности самостоятельного финансирования гражданами собственной агитации «против всех», по мнению Конституционного Суда, не обязательно должна следовать такая же возможность в отношении любой иной агитации.

С одной стороны, действительно, в свободно финансируемой гражданами агитации «против всех» можно усмотреть меньше угроз свободе конкуренции на выборах, чем в случае, когда финансируемая гражданами агитация уже напрямую может конкурировать с агитацией кандидатов. Тогда масштабы агитации и доли кандидатов в ее содержании (не путать с долями агитации кандидатов как субъектов агитации) могут стать неконтролируемы, открываются новые возможности для злоупотребления свободой агитации и открытия ее «теневых секторов» с неправомерным участием в нем условных бенефициаров перераспределения власти. Но, во-первых, разве нет таких возможностей и в текущих, вполне правовых рамках? Во-вторых, является ли адекватным способом борьбы с противоправной деятельностью ограничение любой деятельности, лишь потенциально способной осуществляться противоправно в каких-то объемах? И в-третьих, насколько способствует обеспечению свободы выборов ограничение финансирования агитации гражданами, если свободной политической конкуренции в таком случае могут точно так же угрожать усиливающиеся в таком случае возможности административного ресурса?

Таким образом кажется, что любая научная дискуссия вокруг выбора точки баланса между правом на свободу слова и правом на свободу выборов неизбежно упира-

ется в механизм реального определения этого баланса законодателем, уже функционирующий в рамках некой политической целесообразности. При этом, конечно, нельзя испытывать иллюзий в поиске идеального и универсального равновесия прав и свобод, определяющего границы понятия предвыборной агитации. Любая избирательная система должна оцениваться, так или иначе, и в свете политического развития страны. В этом контексте Европейский суд по правам человека отмечает, что определенные детали, недопустимые в рамках одной системы, могут быть оправданы в другой, по крайней мере при условии обеспечения ею «свободного волеизъявления народа при выборе законодательной власти» [2].

С. В. Большаков и А. Г. Головин полагают, что «отечественный законодатель, принимая во внимание, в том числе, названные факторы, избрал в надлежащей степени отвечающий современным российским условиям вариант регулирования порядка реализации гражданами Российской Федерации права на участие в предвыборной агитации» [2]. Правда, говорят они об этом с площадки Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в книге, изданной еще в 2007 году. И говорят о правовых категориях, определенных законодателем уже десятки лет назад. Актуальны ли они в России сегодня?

Например, законодательное требование о создании избирательных фондов, исключительно через которые должны расходоваться средства на предвыборную агитацию, ставшее в России основным препятствием на пути становления граждан-избирателей полноценными субъектами права на агитацию, судебными органами США и Канады, как отмечает А. А. Макарец, было признано неконституционным [11]. Большинство демократических стран также не регулирует размещение агитации в печатных СМИ, что рассматривается как покушение на свободу прессы. Не регулируются и все частные, преимущественно частные и партийные СМИ, даже если они являются эфирными. Считается, что это обеспечивает право избирателей на высказывание мнения, подачу информации и обсуждение [7]. Мировая практика в этой области весьма вариативна, а в чем-то и показательна.

Поэтому проблему определения и выбора для национальной избирательной системы сущности понятия предвыборной агитации действительно невозможно полноценно рассматривать без погружения в широкий контекст политического развития страны. Но не менее важно и погружение в контекст развития общества, общественных отношений.

Например, развитие сети Интернет и методики проектирования систем Web 2.0 породило особую коммуникационную среду социальных сетей. С одной стороны, эта среда внутри себя создала совершенно новые коммуникативные возможности и практики, что привело сначала к локальному развитию принципов, правил коммуникации и распространения информации, от-

личных от традиционных и, казалось бы, единых для всего коммуникационного пространства. С другой стороны, вместе с естественным развитием сетевого общества и горизонтальных форм социальных взаимодействий появление социальных сетей стало катализатором и другого значимого, но менее замечаемого научным сообществом процесса — экстраполяции этих новых принципов, правил коммуникации на все сферы общественной жизни, на любые формы коммуникации и социальных взаимодействий даже за пределами самих социальных сетей.

Практика предвыборной агитации развивается вслед за всеми этими изменениями. Элементы процесса предвыборной агитации, осуществляемой в социальных сетях, становится порой невозможно определять нормативно установленными категориями. И главное, в сетевом обществе агитация, как и любая коммуникация, из преимущественно субъектно-объектной все чаще становится субъектно-субъектной. Что, нам кажется, становится одной из главных осей трансформации ее сущности и должно найти отражение в новой проекции этой сущности в правовое пространство.

Литература:

1. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография / Е. И. Колюшин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. <https://znanium-com.ezproxy.ranepa.ru:2443/catalog/document?id=353212>.
2. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации / С. В. Большаков, А. Г. Головин. М.: Весь мир, 2007. — 301 с. — Режим доступа: https://www.rcoit.ru/upload/iblock/cc5/informacionnoe_obespechenie_viborov_i_referendumov.pdf
3. Андреева, Л. А. Перетягина, Л. В. К вопросу об агитации в избирательном процессе / Л. А. Андреева, Л. В. Перетягина // Вопросы современной юриспруденции. — 2016. — № 10 (60). — С. 52. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-agitatsii-v-izbiratelnom-protseesse/viewer>.
4. Архирейская, Т. Ю. Конституционно-правовые пределы ограничений предвыборной агитации в Российской Федерации / Т. Ю. Архирейская // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2016. — № 30. — С. 5. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27716614>.
5. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 20.04.2021) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 106.
6. Аглева, Л. Т. Основы правового регулирования предвыборной агитации в Российской Федерации / Л. Т. Аглева Л. Т. // Избирательное право. — 2006. — № 4. — С. 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-pravovogo-regulirovaniya-predvybornoy-agitatsii-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>.
7. Федоров, В. В. Особенности предвыборной агитации в российском законодательстве / В. В. Федоров // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2016. — № 3. — С. 38. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27200049>.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 N 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Российская газета. 2003. № 221.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 N 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 260.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 N 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» // Российская газета. 2006. № 131.
11. Васильев, С. В. Предвыборная агитация: свобода слова или равенство избирательного права? (к вопросу конкуренции принципов) / С, В. Васильев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 1. — С. 33. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34868551>.
12. Авакьян, С. А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности / Авакьян С. А. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2017. — № 1. — С. 3. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29323387>.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Соотношение категорий «охрана» и «защита» информационных прав

Воронцова Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры;
Демиева Айнур Габдульбаровна, доктор юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье раскрываются понятия охрана и защита информационных прав. На сегодняшний день невозможно представить деятельность человека без информационных технологий, что в свою очередь, свидетельствует о необходимости регламентации информационных прав граждан.

Ключевые слова: информационные права, информационные правоотношения, охрана информационных прав, защита информационных прав.

При анализе правовой природы, структурного состава, а также целей, задач и особенностей, присущих информационным правам, неизбежно встает вопрос о реализации комплекса мер по осуществлению их защиты и (или) охраны.

На первый взгляд кажется, что данные категории — «защита» и «охрана» информационных прав — рассматриваются как синонимы одного и того же явления, смысл которого состоит в том, чтобы, посредством различных организационных, правовых, технических и иных мер оградить их от какого бы деструктивного внутреннего и внешнего воздействия.

Однако по вопросу соотношения данных понятий существует широкая научная дискуссия. По мнению А. А. Баукена, поиску верного ответа на поставленный вопрос препятствует одно главное обстоятельство: отсутствие в современной российской науке общеразделяемой позиции относительно понятия и содержания правовой защиты [2, с. 12].

Кроме того, трактовки слов «защищать», «охранять» в Толковых словарях весьма схожи. Например, слово «защитить» означает: «...охранять, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь». В свою очередь, слово «охранять» понимается следующим образом: «...беречь, относиться бережно; то же, что стеречь» [6, с. 225].

Исходя из этого, А. А. Баукен приходит к выводу о том, что в основе исследуемой проблемы находятся схожие смыслы указанных понятий, определяемые особенностями русского языка.

Иной точки зрения относительно соотношения понятий «защита» и «охрана» правоотношений, в том числе, придерживаются такие ученые-правоведы, как О. А. Николаенко, Д. В. Мазаев и др. Они полагают, что разграничение понятий «охрана» и «защита» осу-

ществляется при помощи ряда четко определенных критериев, среди которых:

- основания их применения;
- цели, для достижения которых они используются.

Соответственно, применение защиты оправдано тогда, когда существует факт нарушения принадлежащих субъекту информационных отношений прав и свобод, либо существует реальная или потенциальная угроза такого нарушения.

В свою очередь, режим охраны информационных правоотношений актуален тогда, когда имеется потребность не только пресечь осуществление какого-либо преступления или правонарушения, но и обеспечить права [5, с. 25].

Важное дополнение к разграничению понятий «охрана» и «защита» информационных правоотношений делает Д. В. Кондрашов, который отмечает, что рассматриваемые категории различаются между собой также и продолжительностью оказываемого ими воздействия: правовая защита необходима, как правило, ситуативно, в конкретном случае, когда права и законные интересы субъекта информационных правоотношений уже нарушены, или же существует риск такого нарушения. Иными словами, она имеет весьма ограниченный временной характер. При этом срок осуществления правовой охраны имеет неограниченный, постоянный характер [4, с. 18].

Многочисленные упоминания понятий «защита» и «правовая охрана» присутствуют в ч. 4 ГК РФ [1, с. 5496] применительно к правовому регулированию таких информационно емких отношений, как интеллектуальная собственность, ее результаты, а также средства индивидуализации. В обобщенном виде указанные выше объекты регулирования подпадают под общее понятие «интеллектуальной собственности» [3, с. 81–82].

Интеллектуальная собственность снабжена правовой охраной, которая выражается в:

- возможности приобретать, использовать и прекращать, в том числе, при помощи передачи, интеллектуальные права
- определении того количества прав, которые могут быть предоставлены обладателю права;
- вопросах иного характера.

Как видно из перечисленных выше полномочий, «охрана» прав представляет собой достаточно статичный и ограниченный набор действий.

Что же касается комплекса действий и мер по защите информационных прав, то с точки зрения цивилистического российского законодательства они имеют своей целью не только прекратить злонамеренные действия в отношении нарушенного права на информацию либо попытки его нарушить, но и в максимально возможной степени восстановить его, уменьшив, как только это возможно, негативные последствия от данной ситуации.

Наконец, защита информационного права предполагает также и реализацию мер, направленных на превенцию совершения в дальнейшем подобного рода правонарушений. Так, положение п. 1 ст. 1252 ГК РФ предлагает

для этого весьма действенный инструмент — осуществление публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

Таким образом, применительно к информационным правам понятия «правовая защита» и «правовая охрана» имеют ряд отличительных черт.

1. В отличие от «защиты», «охрана» информационных прав, как по своему смыслу, так и по количеству мер, которые направлены на осуществление и обеспечение прав и свобод их субъектов, является гораздо более широким понятием.

2. Охране информационных прав свойственны такие черты, как:

- ярко выраженная превентивная направленность;
- особая цель, заключающаяся не только в пресечении противоправных посягательств на информационные отношения, но и в восстановлении последних.

3. Информационные права будут нуждаться в защите тогда, когда на них будет осуществляться воздействие существенно противоправного характера, либо когда имеет место потенциальная или реальная угроза таким правам и законным интересам.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ, часть четвертая // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52. — Ст. 5496.
2. Баукен А. А. Правовая защита собственности в Российской Федерации: вопросы теории: дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. — С. 12
3. Борин Б. В., Гордеева М. А. Интеллектуальная собственность: понятие, доктринальные подходы и содержание // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12. — № 3–1. — С. 81–82.
4. Кондрашов Д. В. К вопросу о соотношении категорий «охрана» и «защита» прав на информацию // Современный закон. — 2020. — № 4. — С. 18.
5. Мазаев Д. В. Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. — 2013. — № 4 (46). — С. 25.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 5-е изд., доп. — М., 2006. — С. 225.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Место несостоятельности (банкротства) в системе способов прекращения деятельности юридического лица

Александров Илья Олегович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проведён анализ места несостоятельности (банкротства) в системе способов прекращения деятельности юридического лица. Показаны особенности правового регулирования отношений в сфере законодательства о банкротстве. Выявлены отличительные черты процедуры несостоятельности (банкротства) в качестве способа прекращения деятельности юридического лица.

Ключевые слова: банкротство, юридические лица, реабилитационные процедуры банкротства, ликвидационные процедуры банкротства, кредитор, должник.

Отношения, связанные с государственной регистрацией юридических лиц, урегулированы ГК РФ, Федеральным законом от 08.08.2001 г. N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в ред. от 14.07.2022 N 320-ФЗ) и нормами специального законодательства (об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью, о производственном кооперативе и др.) [2].

Государственная регистрация юридического лица является заключительным этапом создания организации и имеет правоустанавливающее значение.

В соответствии со ст. 52 ГК РФ, юридическое лицо действует на основании Устава, либо учредительного договора и Устава, либо только учредительного договора (полные и коммандитные товарищества) [1].

В случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо, не являющееся коммерческой организацией, может действовать на основании общего положения об организациях данного вида.

Деятельность юридического лица прекращается посредством его реорганизации (ст. 57 ГК РФ) или ликвидации (ст. 61 ГК РФ), которые могут происходить как в добровольном, так и в принудительном порядке, т. е. по решению суда.

Реорганизация юридического лица может осуществляться в следующих формах:

1) Слияние двух и более юридических лиц. При таком варианте возникает одно юридическое лицо, которому в соответствии с передаточным актом переходят все имущественные права и обязанности юридических лиц, существовавших до их слияния.

2) Присоединение. В этом случае одно из юридических лиц становится обладателем прав и обязанностей присоединённого или присоединённых юридических лиц (напр. при поглощении мелких предприятий более крупным).

3) Разделение. В случае разделения на основе одного юридического лица образуются два и более юридических лиц, а права и обязанности реорганизованного юридического лица переходят к вновь образованным юридическим лицам в соответствии с разделительным балансом.

4) Выделение. В случае использования формы выделения из состава юридического лица обособляются некоторые его структуры, на основе которых создаётся одно или несколько юридических лиц, при этом исходное юридическое лицо продолжает существовать, но уже в «усечённом» виде, поскольку к каждому из новообразованных юридических лиц переходит часть прав и обязанностей реорганизованного юридического лица.

5) Преобразование. Данная форма представляет собой изменение организационно-правовой формы юридического лица, в результате которого к новому юридическому лицу переходят права и обязанности в соответствии с передаточным актом.

Реорганизация юридического лица всегда влечёт за собой правопреемство, что отличается данный способ прекращения деятельности от ликвидации, в результате проведения которой какого-либо правопреемства не возникает.

Ликвидация представляет собой способ прекращения существования юридического лица, который не сопровождается переходом прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства к другим лицам (п. 1 ст. 61 ГК РФ).

Ликвидация юридического лица предполагает как добровольный, так и принудительный порядок (по решению суда). Так, юридическое лицо может быть ликвидировано по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом, в том числе в связи с истечением срока, на который было создано юриди-

ческое лицо, либо с достижением цели, ради которой оно было создано.

Ликвидации по решению суда юридическое лицо подлежит в следующих случаях:

1) Государственная регистрация данного юридического лица признана недействительной, в том числе в связи с грубыми нарушениями закона при регистрации, которые носят неустрашимый характер.

2) Юридическое лицо осуществляет свою деятельность без надлежащего разрешения (лицензии), либо у юридического лица отсутствует допуск к определённому виду работ, которые оно выполняет.

3) Юридическое лицо осуществляет деятельность, признанную на территории Российской Федерации незаконной, либо неоднократно нарушает законы РФ и иные правовые акты при ведении законодательно разрешённой деятельности.

4) Юридическое лицо систематически ведёт деятельность, противоречащую его уставной цели.

5) По иску учредителя (участника) юридического лица в случае невозможности достижения целей, ради которых юридическое лицо было создано.

6) В иных случаях, предусмотренным законом РФ (п. 3 ст. 61 ГК РФ).

Независимо от добровольного или принудительного характера ликвидации юридического лица, с момента принятия такого решения срок исполнения обязательств такого юридического лица перед кредиторами считается наступившим (п. 4 ст. 61 ГК РФ).

Ликвидация считается завершённой, а юридическое лицо прекратившим существование с момента внесения записи об этом в государственный реестр (п. 6 ст. 22 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Особым случаем прекращения деятельности юридического лица является его признание несостоятельным (банкротом) по решению суда. В таком случае их ликвидация происходит в порядке, предусмотренном законодательством о несостоятельности (банкротстве) (п. 6 ст. 61 ГК РФ).

В отличие от других способов прекращения деятельности, в том числе процедуры добровольной ликвидации, при ликвидации юридического лица в связи с признанием его несостоятельным (банкротом), порядок управления ликвидируемым юридическим лицом существенно отличается.

В соответствии со ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», полномочия руководителя организации и иных органов управления, а также собственника имущества должника (если это унитарное предприятие), прекращаются с момента принятия арбитражным судом решения о признании данного юридического лица банкротом и открытии конкурсного производства в отношении имущества и активов юридического лица [3].

Полномочия данных лиц до даты завершения конкурсного производства, либо до прекращения производства по делу, осуществляются конкурсным управляющим,

утверждаемым судом во время принятия решения о признании юридического лица банкротом и открытии конкурсного производства [6, с. 49]. При этом законом предусматривается сохранение за рядом лиц определённых обязанностей (напр. руководитель обязан обеспечить передачу всей необходимой документации конкурсному управляющему).

Непосредственно конкурсный управляющий может быть освобождён от управления юридическим лицом определением суда (ст. 144 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), либо отстранён также по решению суда (ст. 145 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)'). В качестве контроля за деятельностью конкурсного управляющего выступает обязанность управляющего предоставления отчёта о своей деятельности и иной информации собранию кредиторов не реже, чем один раз в три месяца, если собранием кредиторов или судом не было установлено иное (ст. 143 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)').

Также важным отличием проведения процедуры несостоятельности (банкротства) от способов прекращения деятельности юридического лица является возможность оспаривания сделок должника, заключённых до момента признания судом юридического лица банкротом и введения конкурсного производства, что позволяет выявлять случаи фиктивного (преднамеренного) банкротства и другие нарушения закона [7, с. 83].

При этом уклонение конкурсного управляющего от оспаривания сделок, которые прямо или косвенно могли быть осуществлены с целью сокрытия имущества организации или лишения кредиторов возможности вернуть денежные средства, может служить основанием для отстранения арбитражного управляющего и последующего наступления ответственности в соответствии с российским законодательством. Кроме того, при реализации имущества должника конкурсному управляющему следует учитывать все необходимые факторы, в том числе невозможность раздела вещи в натуре, если это влечёт за собой её повреждение или разрушение (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.02.2019 г. N 305-ЭС16-15579 по делу N А40-216588/2014) [5].

Помимо этого, в рамках проведения процедуры несостоятельности (банкротства) могут быть выявлены случаи доведения до банкротства и прочие нарушающие законодательство факты, которые повлекут за собой субсидиарную ответственность лиц, осуществлявших прямой контроль в отношении должника, либо получавших косвенную выгоду от деятельности юридического лица (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 г. N 310-ЭС20-6760) [4].

В целом процедура прекращения деятельности юридического лица посредством его признания несостоятельным (банкротом) по решению суда в первую очередь направлена на соразмерное удовлетворение требований кредиторов и, следовательно, защита кредитов выступает

в качестве основы применения данной процедуры и выделения процесса банкротства как самостоятельного правового режима [8, с. 118].

Ликвидация юридического лица посредством проведения конкурсного производства позволяет обеспечить наиболее оптимальное распределение средств среди кредиторов, которое возможно в конкретной ситуации, что позволяет относить данный способ прекращения деятельности к наиболее отвечающему интересам кредиторов и позволяющему сохранить имущественные интересы всех участников процедуры банкротства настолько, насколько это представляется возможным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время институт несостоятельности (банкротства) стал неотъемлемой частью правовой системы страны, необходимым для дальнейшего развития экономики и эффективного применения законодательных норм. Процедура несостоятельности (банкротства) по праву занимает одно из наиболее важных мест среди способов прекращения деятельности юридического лица. При этом в российском законодательстве и правоприменительной практике наблюдается более «прокредиторский» характер процедур и достаточно значительное судебное вмешательство с частым назначением арбитражных управляющих.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 N 20-ФЗ)
2. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г N 129-ФЗ (ред. от 14.07.2022 N 320-ФЗ)
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 21.11.2022 N 452-ФЗ)
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2020 г. N 310-ЭС20-6760
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.02.2019 N 305-ЭС16-15579 по делу N А40-216588/2014
6. Гонорский А. С. Процедуры банкротства юридических лиц в российском законодательстве / А. С. Гонорский // Форум молодых ученых. — 2020. — № 7 (47). — с. 45–51.
7. Михеев П. В. Развитие российского законодательства об административной ответственности за преднамеренное банкротство / П. В. Михеев // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 8–1. — с. 81–92.
8. Мухина Е. В. Банкротство как один из специально предусмотренных законом «исключительных» способов прекращения деятельности юридического лица / Е. В. Мухина // Молодой ученый. — 2019. — № 36 (274). — с. 116–119.

Правовой режим деятельности лиц, привлекающих инвестиции в форме цифровых прав

Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент;

Агафонова Анна Александровна, студент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассматриваются различные точки зрения и трактовки учеными понятия, признаков и правовой природы цифровых прав.

Ключевые слова: инвестиции, инвестор, цифровые финансовые активы, краудфандинг, цифровые права

Правовое регулирование деятельности лиц, привлекающих инвестиции в форме цифровых прав, регламентировано федеральным законом № 259.

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не оперирует категорией «краудфандинг», вместо которой используется специальный термин «деятельность по организации привлечения инвестиций».

В специальной литературе предлагается несколько его определений. В частности, В. Э. Полякова предлагает понимать под краудфандингом «механизм сбора денежных

средств от неопределенного круга третьих лиц для финансирования как коммерческих, так и некоммерческих проектов» [1].

По мнению В. А. Кузнецова, «краудфандинг — это деятельность, связанная с привлечением финансовых ресурсов от большого количества людей, добровольно объединяющих свои ресурсы на специализированных интернет-сайтах (краудфандинговых площадках) в целях реализации продукта или услуги» [2, с. 65]. С позиции Е. Архипова, осуществившего научно-практическое сопоставление краудфандинга как нового вида общественных отношений с имеющимися в праве смежными конструк-

циями и институтами (например, купля-продажа с предварительной оплатой товара, простое товарищество, дарение, акционерное общество), «краудфандинг — это финансирование какого-либо проекта заранее не определенным кругом лиц» [3, с. 18] А. В. Захаркина предлагает обобщенное определение краудфандинга и рассматривает его как «инструмент, который используется для аккумулирования финансовых ресурсов за счет инвестиций от неопределенного круга лиц через специализированные цифровые платформы» [4]

Е. Архипов проводит параллель между краудфандингом и дарением, и приходит к выводу, что безвозмездный краудфандинг можно считать особым видом дарения. Но все же, связывает их не вся процедура передачи денежных средств, а только лишь ее отдельные элементы.

Категория «инвестиции» носит обобщающее значение и охватывает различные юридические инструменты, опосредующие инвестиционные процессы. В тоже время в некоторых случаях, в рамках определенной сферы регулирования инвестиционной деятельности эта категория используется для обозначения вложений в узком смысле, т. е. с использованием определенного, конкретного юридического инструмента.

Так, применительно к инвестированию в цифровые права, под инвестициями понимаются денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа.

Федеральный закон № 259 под лицом, привлекающим инвестиции понимает «юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, или индивидуальный предприниматель, которым оператор инвестиционной платформы оказывает услуги по привлечению инвестиций». Можно допустить вывод, что лицо, находящееся под контролем иностранных инвесторов, но зарегистрированное на территории России, тоже может привлекать инвестиции.

Однако, как указывает В. К. Шайдуллина «привлечением инвестиций не могут заниматься и иностранные стартапы, зарегистрировавшие представительства (филиалы) в России, поскольку представительство или филиал, как следует из содержания ч. 2 ст. 33 ГК РФ, не является юридическим лицом» [5].

По договору об оказании услуг по привлечению инвестиций одна сторона (оператор инвестиционной платформы) обязуется в соответствии с правилами инвестиционной платформы предоставить другой стороне — лицу, привлекающему инвестиции, доступ к информационным ресурсам инвестиционной платформы для заключения с их использованием договора с инвестором, а лицо, привлекающее инвестиции, обязуется оплатить такие услуги.

Как указывает А. В. Белицкая, «по своей правовой природе договор об оказании услуг и не выполняет задачи выступать правовой формой инвестирования. Роль инвестиционной декларации в данном случае выполняют правила

инвестиционной платформы, которые также не оформляют инвестиционные отношения, а лишь устанавливают их регулирование» [6].

В целях заключения договора лицо отправляет оператору инвестиционной платформы акцепт в электронной форме, документ подписывается простой электронной подписью или иным способом, предусмотренным правилами инвестиционной платформы. Анализ Федерального закона № 259 показывает, что стороны этого договора непосредственно не вступают в отношения между собой, а действуют через оператора инвестиционной платформы. Следовательно, такие договоры инвестирования заключаются в самоисполняющемся режиме смарт-контракта.

В практике суды чаще всего квалифицируют правовую природу инвестиционных договоров опираясь на их содержание. Необходимо отметить, что договоры, регулирующие отношения сторон в краудлендинге заключаются на онлайн-площадках и обычно квалифицируются судами как договоры займа.

По мнению В. К. Андреева, «ключевым моментом в осуществлении деятельности оператора по организации привлечения инвестиций является раскрытие правил инвестиционной платформы, в которых содержатся условия договора об оказании услуг по привлечению инвестиций и договора об оказании услуг по содействию в инвестировании, способы инвестирования с использованием инвестиционной платформы, требования к содержанию инвестиционного предложения, порядок его принятия и другие правила» [7].

Федеральный закон № 259 предоставляет возможность использования субъектами предпринимательской деятельности при привлечении инвестиций такой формы как приобретение токенов инвестиционного проекта, обозначающих определенные имущественные права, которые записываются на имя инвесторов в распределенной базе данных. Тем самым обеспечивается правовая основа функционирования системы розничного финансирования (краудфандинга), представленной операторами инвестиционных платформ.

Закон регламентирует деятельность по организации привлечения инвестиций, устанавливает требования к участникам такой деятельности, а также определяет ряд важных понятий, таких как инвестиционная платформа, операторы и участники инвестиционной платформы, утилитарные цифровые права и другие.

Таким образом, деятельность по организации привлечения инвестиций определяется в законе как оказание услуг по содействию в инвестировании и услуг по привлечению инвестиций с использованием инвестиционной платформы, а лица, привлекающие инвестиции в форме цифровых прав определены как юридические лица или индивидуальные предприниматели, которым оператор инвестиционной платформы оказывает услуги по привлечению инвестиций. Такая деятельность осуществляется на основании договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций и договоров об оказании услуг по содействию в инвестировании.

В силу ст. 14 Федерального закона № 259 лицом, привлекающим инвестиции, и/или контролирующим его лицом и/или руководителем не может являться: лицо, причастное к экстремистской деятельности, терроризму или к распространению оружия массового уничтожения; лицо, не соответствующее требованиям, установленным правилами инвестиционной платформы.

Юридическое лицо не может являться лицом, привлекающим инвестиции, если: контролирующее лица или руководитель имеют неснятую или непогашенную судимость за преступление в сфере экономики или преступление против государственной власти; руководитель является дисквалифицированным; в отношении него возбуждено дело о банкротстве.

Индивидуальный предприниматель не может являться лицом, привлекающим инвестиции, если: имеет неснятую или непогашенную судимость за преступление в сфере экономики или преступление против государственной власти; в отношении него арбитражным судом введена одна из процедур банкротства; в отношении него не истекло 5 лет с даты завершения процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве.

В целом, следует отметить, что хотя в самом тексте закона термин «краудфандинг» не содержится, этот закон имеет большой вес для развития цифрового права в России, устанавливая правила для организаций, привлекающих инвестиции, регламентируя требования к участникам, закрепляя важные термины и понятия.

Между тем, несмотря на вышесказанное, имеются и некоторые недостатки в законе: инвестирование криптовалюты никак не предусмотрено; не допускается реализация утилитарных цифровых прав на «не российских» инвестиционных площадках; ограничен круг субъектов, наделенных правом привлекать инвестиции; учет утилитарных цифровых прав возможен только в рамках специализированной платформы; не предусмотрена возможность блокировки средств с момента принятия инвестиционного предложения и до заключения договора.

Таким образом, деятельность лиц, привлекающих инвестиции в форме цифровых прав, можно определить, как основанную на договоре, совокупность практических действий юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направленных на привлечение инвестиций с помощью инвестиционной платформы.

Литература:

1. Полякова В. Э. Краудфандинг: понятие, правовое регулирование и договорные конструкции // (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020).
2. Кузнецов В. А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 65.
3. Архипов Е. Понятие и правовая природа краудфандинга // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А. Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. С. 18
4. Захаркина А. В. Краудфандинг как инструмент развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровой экономики // EX JURE. 2019. № 4. С. 56
5. Шайдуллина В. К. Концептуальные проблемы правового регулирования «первичного размещения монет» в Российской Федерации // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 169.
6. Белицкая А. В. Перспективы разработки новых правовых конструкций инвестирования для цифровой экономики // Юрист. 2019. № 3. С. 28–33.
7. Андреев В. К. Договоры инвестирования, заключаемые с использованием инвестиционных платформ путем приобретения утилитарных цифровых прав // Юрист. 2020. № 1. С. 18.

К вопросу о юридическом признании классических и современных типов вещания

Устинова Анжелика Владимировна, аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет

С момента своего появления вещание приобрело особое значение в общественной жизни, став одним из главных источников информации, способов удовлетворения духовных потребностей людей, а также механизмов формирования их мнения. Одновременно технологический прогресс оказывал влияние на системы связи, одной из разновидностей которых является радио и телевидение (далее по тексту — телевидение) [6, с. 14]. Последние прошли долгий путь своего развития, прежде чем вещание стало общераспространённым и привычным для современного человека явлением.

С технической точки зрения общий принцип действия телевидения заключается в преобразовании электрического сигнала, его передаче по физическому каналу связи и последующем преобразовании в доступную для восприятия человеком форму (звук, изображение) [3, с. 28]. В то же время различие в использовании средств, необходимых для передачи программ, позволяет разграничивать телевидение на проводное и радиосистему. Вместе с тем в научной литературе дискуссионным является вопрос относительно количества физических сред системы телевидения [4, с. 8–11; 2, с. 18]. Подобные обстоятельства позволяют нам предложить классификацию систем вещания на два типа:

- во-первых, классический тип вещания, к которому следует относить систему эфирного телевидения, систему спутникового телевидения, а также систему кабельного телевидения;
- во-вторых, современный тип вещания, базирующийся на протоколе IP (Internet Protocol).

Для целей настоящего исследования рассмотрим каждый из указанных типов вещания.

Система эфирного телевидения. Исторически первой системой телевидения была система эфирного телевидения. В начале своего становления как социального явления отношение к вещанию со стороны национальных органов государственной власти различалось. Например, поскольку радиовещание в Соединённых Штатах Америки пользовалось большими свободами, то к маю 1922 года уже было выдано примерно около двухсот лицензий на осуществление вещательной деятельности. Напротив, в Великобритании основные аспекты данной сферы деятельности жестко контролировались, начиная от технических моментов и завершая содержанием информации, которая подлежала распространению [6, с. 26]. Схематично систему эфирного вещания можно представить из следующих элементов: телевизионный центр, передающие станции и ретрансляторы. Основным элементом данной системы является телевизионный центр, поскольку там создаются телепрограммы и радиoproграммы для широкой аудитории. Технически телевизионный центр позволяет также хранить уже готовые пе-

редачи. Очевидно, что использование системы эфирного телевидения требует существенных затрат, связанных с приобретением специального оборудования, поддержанием его в рабочем состоянии, а также привлечением трудовых ресурсов.

Система спутникового вещания. Начало успешного освоения человеком космического пространства послужило возникновению возможности использовать систему спутниковой связи в вещательной деятельности. Главной особенностью данной системы является использование для трансляции сигнала, который несет программу, искусственных спутников Земли. Последние могут передавать сигнал для приема населением непосредственно или на фиксированные земные станции, которые впоследствии ретранслируют сигнал пользователям проводным или беспроводным способом.

Система кабельного телевидения. Данная система является разновидностью проводного телевидения, основным принципом функционирования которого служит распространение электромагнитных волн в закрытой среде [1, с. 7]. Передача вещательного сигнала посредством провода (оптический кабель, витая пара и коаксиальный кабель) позволяет нивелировать недостатки присутствующие для систем эфирного вещания, поэтому к числу основных достоинств системы кабельного телевидения можно отнести: высокое качество, независимость вещания от внешних факторов, а также большой перечень каналов для просмотра. Между тем построение развернутых систем кабельного телевидения и поддержание её функционирования требуют существенных затрат.

Процессы взаимодействия и взаимосвязи технологий, информации, средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей привели к возникновению такого явления как конвергенция. Одним из проявлений конвергенции является конвергенция услуг, предназначение которой сводится к тому, «чтобы обеспечить множество бизнес-моделей поставщиков услуг и сделать все услуги экономически эффективными» [5, с. 10]. Становление и распространение цифровизации явились движущей силой к развитию сетей IP-типа, позволяющих эффективно, безопасно и экономично транспортировать любые виды информации на различные расстояния. Сети, построенные на основе протокола IP, принято разграничивать как «закрытые» и «открытые». Примером сети первого вида, успешно функционирующей в индустрии телевидения и радиовещания, служит IPTV. В пункте 3.1.11 рекомендации Международного союза электросвязи IPTV определяется как «услуги мультимедиа, такие как телевидение / видео / аудио / текст / графика / данные, доставляемые по сетям на базе протокола IP, управляемые в целях поддержки требуемого уровня QoS/QoE, безопасности, интерактивности и на-

дежности» [7]. Исходя из этого, основной принцип действия данной сети таков, что пакетная передача данных в управляемой среде осуществляется посредством потоков авторизированным пользователям, предварительно направивших запрос соответствующего телевизионного контента. Иллюстрацией использования сетей «открытого» вида в вещательной деятельности служит сетевое вещание. С технической точки зрения данный тип вещания предполагает направление пользователям сформированных ранее пакетов интернет-страниц в рамках транспортного потока данных [4, с. 402–403].

Как видим, функционально передача данных в рамках систем классического типа вещания и современного типа вещания базируется на одних и тех же принципах действия, однако отличия обуславливаются характеристиками, заложенными при создании систем (зона покрытия, качество доставки контента, механизм функционирования, затраты). Учитывая изложенное, сделаем вывод о том, что с технической точки зрения препятствия для юридического признания сетевого вещания отсутствуют.

Литература:

1. Волков С. В. Сети кабельного телевидения. — М.: Горячая линия-Телеком, 2004.
2. Гармагин А. А. Теоретические основы и принципы организации телевизионного интернет-вещания: дис... канд. филол. наук. — Тольятти, 2005.
3. Джакония В. Е., Гоголь А. А., Друзин Я. В. и др. Телевидение: учебник, 4-е издание, 2007.
4. Мамчев Г. В. Цифровое телевизионное вещание: учебник. — Новосибирск: СибГУТИ, 2014.
5. Яновский Г. Г. Конвергенция в инфокоммуникациях. СПб.: БХВ, 2010.
6. Wood J. History of International Broadcasting. — London, United Kingdom, Vol. 1, 1994.
7. Recommendation ITU-T H. 741.3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.itu.int/rec/dologin_pub.asp?lang=e&id=T-REC-H.741.3-201206-I!! PDF-E&type=items (дата обращения: 30.11.2022).
8. Current market and technology trends in the broadcasting sector / Standing Committee on Copyright and Related Rights, Geneva. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_30/sccr_30_5.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Актуальные проблемы отграничения кражи от находки

Климонтова Елена Юрьевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья раскрывает проблемный и дискуссионный вопрос науки и практики гражданского и уголовного права: различие между кражей и находкой. Исчерпывающие разъяснения в уголовном законодательстве и четкое понимание критериев отличия кражи от находки имеет фундаментальное значение для надлежащей квалификации действий виновного лица. Кража считается одним из самых простых для квалификации составов преступления. Вопросы правильной квалификации кражи как тайного способа хищения имущества всесторонне освещены в нормативно-правовых актах, регулирующих уголовное право, в научно-практических комментариях к нему, достаточно обширно изложены в научных статьях, монографиях, сборниках научно-практических конференций. Следует также отметить, что перед работниками судебных и правоохранительных органов часто встают проблемы, имеющие дискуссионный характер и неоднозначное решение, при необходимости надлежащей квалификации преступных действий. Одной из таких проблем является отграничение кражи от находки. В статье анализируются отличия кражи от находки и предлагаются пути решения проблемных вопросов с целью дать правильную оценку действиям лиц с целью не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного лица или, наоборот, ухода от ответственности лица, посягнувшего на чужое имущество.

Ключевые слова: хищение чужое имущество, кража, находка, присвоение найденного имущества.

В деятельности судебных и правоохранительных органов нередко возникают дискуссионные вопросы: определить, к каким отраслям права следует отнести деяния лиц: гражданскому, административному или уголовному. Одной из таких проблем является соотношение кражи и находки.

Эта проблема появилась сразу же после вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации в новой редакции с 01 января 1997 года. Статья 148.4 «Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества» ранее была включена в УК РСФСР, действовавший с 27.10.1960 года до 01.01.1997 года [3]. Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) в новой редакции данное деяние не было признано преступным.

Представляется целесообразным юридический анализ проблемы начать с правовой характеристики обязанностей лица, обнаружившего чужое имущество, перечисленных в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ).

В соответствии со ст. 227 ГК РФ нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу.

Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. В этом случае лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь.

Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления.

Нашедший вещь вправе хранить ее у себя либо сдать на хранение в полицию, орган местного самоуправления или указанному ими лицу [1].

Нередко у работников правоохранительных и судебных органов возникают сложности при определении обстоятельств находки, в частности возникает вопрос «Забыл ли собственник данную вещь, либо потерял?». Это связано с тем, что собственник вещи не всегда может точно припомнить всех обстоятельств, при которых она исчезла. В результате правоприменителю затруднительно доказать, что у нашедшего имущество был корыстный умысел именно совершить его кражу, так как предполагается, что из-за невнимательности, небрежности собственника вещь выбыла из его владения. В результате виновное лицо привлечь к уголовной ответственности за совершение кражи будет невозможно. В результате не будут реализованы важные задачи уголовного процесса, связанные с профилактикой совершения преступлений.

В теории уголовного права сформировалось несколько групп научных теорий по данному дискуссионному вопросу. Первая группа научных теорий предлагает считать, что действия лица, желающего присвоить чужое имущество, попадают под регулирование только гражданского, а не уголовного законодательства. Как следует из этих те-

орий, нужно отчётливо отграничивать правоотношения, которые находятся в сфере правового регулирования гражданского законодательства от сферы уголовного законодательства. Сторонником таких взглядов является доктор юридических наук А. В. Бриллиантов [5, с. 30].

Приверженцы второй группы теорий полагают, что присвоение найденного не должно квалифицироваться в качестве хищения чужого имущества, так как имущество уже потеряно, и бывший собственник больше не может владеть и распоряжаться им. Такое мнение у Д. А. Безбородова — также авторитетного ученого в отрасли уголовного права [4, с. 130].

Третья группа теорий вытекает из предыдущей. Её защитники настаивают, что, если произошло присвоение утраченного имущества, то его собственник не имеет права требовать от лица, присвоившего имущество, денежного возмещения его стоимости (А. В. Бриллиантов, С. В. Скляр [8, с. 15]).

Приверженцы четвертой группы теорий всесторонне изучают категорию «забытая вещь». Они утверждают, что, несмотря на утрату собственником вещи из-за небрежности, рассеянности, по другим обстоятельствам, вещь, тем не менее, всё равно принадлежит собственнику, который сохраняет все закреплённые законом права по владению, пользованию и распоряжению ею. Присвоение вещи лицом, нашедшим её, квалифицируется как преступное деяние: хищение.

В некоторых работах авторы настаивают на том, что, если собственник оставил вещь в общественном месте или в ограниченном пространстве (торговые центры, библиотеки, музеи, выставки и др.), то её необходимо относить к забытым вещам (так утверждают С. В. Скляр, а также В. Хилюта [9, с. 140]).

Рассмотрим пример из судебной практики. Мценским районным судом Орловской области 25 мая 2016 г. в отношении Черникова В. В. вынесен обвинительный приговор: осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде обязательных работ на срок 380 часов. Постановлено применить к Черникову В. В. меры медицинского характера в форме принудительного амбулаторного наблюдения и лечения у психиатра. Постановлением президиума Орловского областного суда от 24 ноября 2016 г. указанные выше приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ — пришла к мнению, что в действиях Черникова не имелось состава преступления.

Суд кассационной инстанции сделал выводы, что Черников забрал себе телефон потерпевшей после того, как она ушла из поликлиники, и при этом присутствовало много людей. В материалах дела имелись необходимые медицинские документы, подтверждающие наличие психического заболевания у осужденного, не лишаящего его дееспособности. В связи с наличием этого заболевания осужденный не осознавал возможность, что собственник в любой момент может вернуться в поликлинику за забытым телефоном.

Суд пришел к заключению, что Черников не выполнил гражданско-правовые обязанности, предусмотренные пунктом 2 статьи 227 ГК РФ: не передал найденный телефон представителям администрации поликлиники. И, следовательно, он не имеет права на получение вознаграждения [6]. Однако, по мнению Президиума ВС РФ, владение, пользование и распоряжение вещью являлось незаконным, и в действиях виновного имелся состав преступления, подпадающего под действие пункта «в» части 2 статьи 158 УК РФ [7].

В Российской Федерации, в отличие от стран с системой общего права, судебные прецеденты не являются источниками права. Поэтому эту проблему невозможно решить только с помощью судебной практики. Она требует углублённого научного и теоретического переосмысления. Также необходимо проанализировать, есть ли веские правовые основания утверждать о наличии в действиях виновного лица хищения случайно найденного имущества. Для этого нужно сравнить действия лица с признаками хищения, предусмотренного требованиями статьи 158 УК РФ [2].

Считаем правомерным взгляды сторонников той группы теорий, которые усматривают корыстную цель при присвоении, потому что лицо хочет приобрести правомочия владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как своим собственным. Также наблюдается признак безвозмездности, ведь лицо, присваивая имущество, не возмещает собственнику денежную стоимость данного имущества. Если лицо нашло утраченное собственником имущество и проигнорировало требования гражданского законодательства, а именно: пункта 2 статьи 227 ГК РФ, то в данном случае усматривается нарушение законодательства. В связи с этим, представляется, что будет справедливо поддержать точку зрения тех ученых, которые считают их противоправными.

Следующим неотъемлемым признаком хищения является изъятие вещи виновным лицом и (или) обращение ее в свою пользу. Как следует из текста закона, эти действия могут совершаться как вместе, так и по отдельности.

Признак причинения ущерба. Потеряв вещь, собственник часто сохраняет закреплённые за ним законом правомочия по владению, пользованию и распоряжению вещью. Это объясняется тем, что имеется вероятность, что он сможет её найти, а также, что добросовестные прохожие могут вернуть вещь, которую он считает навсегда потерянной. Если же нашедший присвоит вещь, то у собственника будут препятствия в реализации своих законных прав и интересов по распоряжению принадлежащей ему вещью.

В заключение статьи отметим, что присвоение лицом найденного им имущества имеет все неотъемлемые признаки хищения. Недобросовестное присвоение чужого имущества противоречит закону и нравственности.

Таким образом, в случае обнаружения потерянной вещи применяются положения статей 227–229 Гражданского кодекса РФ о находке. Считаем, что для надлежащего регулирования гражданских правоотношений не-

обходимо дополнить статью 227 Гражданского кодекса Российской Федерации определением понятия «находка».

Кроме этого, представляется правомерным отметить, что в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации будет целесообразно дополнить статью 158 УК РФ о том, что к краже приравнивается присвоение найденных вещей с учетом освобождения от уголовной ответственности (часть 2 статьи 14 УК РФ).

Также считаем, что сотрудникам полиции, прежде всего, необходимо выявлять отношение лица к обстоятельствам, при которых было найдено чужое имущество, так как чаще всего владелец не может точно припомнить всех обстоятельств, при которых потерял принадлежащие ему вещи. Для этого должностные лица полиции (следователи, дознаватели) обязаны учитывать все фактические обстоятельства дела, свидетельствующие о том, что лицо, нашедшее чужую вещь, имело противоправную корыстную цель и преступный умысел незаконно завладеть ею.

Также следует принимать во внимание характерные особенности общественного места, где было найдено имущество (общественный транспорт, такси, кафе, ресторан, клуб, гостиница, больница, клиника, медицинский центр, кинотеатр, драматический, музыкальный театр, либо иное

здание, сооружение); место нахождения вещи в помещении (под столом, на лестничной площадке, под лестницей и т. д.); габариты вещи и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать о том, что вещь не была из владения собственника.

Также считаем нужным внести дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: в частности, в пункте 2 данного Постановления следует разъяснить какое имущество необходимо признавать находящимся в законном обладании собственника либо иного другого владельца на основании приобретения права собственности: закона, договора и других, а также четко перечислить необходимые критерии отграничения правомерных действий — находку — от противоправных и наказуемых — тайного хищения имущества в виде кражи.

Вышеперечисленные дополнения нормативно-правовых актов направлены на правильное и единообразное применение правовых норм судами всех инстанций, а также правоохранительными органами, находящимися на территории Российской Федерации в части разграничения находки и кражи.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: федер. закон [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 4. — Ст. 591 (утратил силу).
4. Безбородов Д. А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества. Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. статей по материалам III Всерос. науч.-практ. конф./ Д. А. Безбородова. — М.: ВС РФ, РГУП. — 2015. — 446 с.
5. Бриллиантов А. В. Хищение или неосновательное обогащение // Уголовное право. — 2019. — № 4. — С. 30–35.
6. Кассационное определение ВС РФ от 29.03.2017 по делу № 37-УД17-1) [Электронный ресурс]. //URL: legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032017-n-37-ud17-1/ (дата обращения: 04.11.2022).
7. Кассационное определение ВС РФ от 29.11.2017 по делу № 37-О17-3) [Электронный ресурс]. <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29112017-n-37-o17-3/> // (дата обращения: 05.11.2022).
8. Скляров С. Кража забытого имущества // Уголовное право. — 2021. — № 3. — С. 15–20.
9. Хилюта В., Бильдейко А. Находка или кража? // Уголовное право. — 2022. — № 3. — С. 140–142.

Проблемы назначения наказания несовершеннолетним

Климонтова Елена Юрьевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье рассматривается вопрос о назначении наказаний несовершеннолетним. Рассмотрены виды и содержание наказаний, назначаемых несовершеннолетним. Рассматриваются проблемные вопросы назначения наказания в отношении несовершеннолетних; делается вывод о несовершенстве отечественной системы уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, предлагаются пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: наказание, несовершеннолетний, осужденный, преступление, уголовная ответственность.

Вопрос назначения наказания несовершеннолетним заслуживает особого внимания в виду особого статуса рассматриваемой категории осужденного. Под несовершеннолетними понимаются лица, совершившие деяние, по всем признакам совпадающее с признаками преступления, но не достигшие возраста уголовной ответственности.

Статья 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] гласит, что несовершеннолетним признается такое лицо, которое на время совершения преступного деяния достигло четырнадцатилетнего возраста, но не достигло восемнадцати лет.

Возраст определяется исходя из того, что лица, старше восемнадцати лет признаются совершеннолетними, а нижний возраст уголовной ответственности определен исходя из содержания положений УК РФ, где указано, что по некоторым составам Особенной части лицо будет нести уголовную ответственность с четырнадцатилетнего возраста. Установив возраст уголовной ответственности, законодатель преследует цели закрепить основные принципы всей правоохранительной системы (установление законности, справедливости, соразмерности наказания, надлежащее исправление осужденного), а также установить основы ювенальной юстиции для защиты прав и интересов несовершеннолетних лиц [5, с. 364].

В российском законодательстве сложилась определенная система наказаний, назначаемых несовершеннолетним за совершение преступного деяния. Такими наказаниями являются:

- штраф;
- лишение права заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы; — ограничение свободы (с 2010 года эта мера наказания заменила арест);
- лишение свободы на определенный срок.

Перейдем к более подробному рассмотрению всех видов наказаний, применяемых к несовершеннолетним.

Самым распространенным видом не только в уголовном праве, но и в административном, является штраф. Штраф представляет собой имущественное взыскание денежных средств у лиц, совершивших преступное деяние. В отношении несовершеннолетних штраф может быть назначен в независимости от того, имеется ли у несовершеннолетнего самостоятельный заработок или нет. Статья 88 УК РФ гласит, что штраф может быть назначен от тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере за-

работной платы несовершеннолетнего от двух недель до шести месяцев.

За несовершеннолетнего осужденного штраф также могут выплачивать родители или иные законные представители. Относительно данного положения возникает множество споров, в том числе и спор о том, что же делать, если родители не способны выплатить штраф? Об этом Пленум Верховного Суда РФ еще в 2011 году высказал свою точку зрения. В постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» говорится, что, если обязанность по уплате штрафа переносится на родителей или законных представителей осужденного, то суду необходимо удостовериться в платежеспособности представителей несовершеннолетнего, а также разъяснить им последствия неуплаты штрафа [8]. Однако, нельзя не отметить, что Пленум не уточняет, каким образом необходимо разъяснить последствия неуплаты штрафа, так как законодательство на сегодняшний день по данному поводу не содержит никаких предписаний. [9]

На сегодняшний день проблемы неуплаты штрафа родителями за несовершеннолетнего осужденного остаются нерешенными. На наш взгляд, решением такой проблемы станет законодательное закрепление последствий неуплаты штрафа. Вместе с тем хотелось бы отметить, что воспитательное воздействие штрафа на несовершеннолетнего минимально. Если у несовершеннолетнего имеются средства для погашения такого штрафа, то, считаем, что он не сможет в полной мере осознать всю опасность совершенного им деяния. Если же несовершеннолетний уклоняется от уплаты штрафа, то ему может быть назначено иное наказание в соответствии со ст. 88 УК РФ [2, с. 83].

Вторым названным в перечне видом наказания является лишение права заниматься определенной деятельностью. Данный вид наказания не является самостоятельным видом, так как происходит из положения статьи 47 УК РФ. Согласно данной статье осужденному назначается наказание в виде запрета занимать должность государственной службы в органах местного самоуправления, а также заниматься любой профессиональной деятельностью. Соответственно, лишение права заниматься определенной деятельностью заключается в том, что несовершеннолетнему запрещается заниматься любой профессиональной деятельностью, которую он осуществлял до совершения преступления. Однако, назначение дан-

ного наказания имеет место быть только тогда, когда несовершеннолетний вправе заниматься любой законной деятельностью, то есть с шестнадцатилетнего возраста. Следовательно, наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью нецелесообразно, когда у несовершеннолетнего нет права на осуществление такой деятельности.

Следующим видом наказания являются обязательные работы. Обязательные работы — это общественно полезные работы, выполняемые на бесплатной основе в свободное от работы или учебы время. Характер таких работ может выражаться в следующем: очистка и уборка улиц, парков, дворовых территорий, приозерных территорий, уход за больными людьми, благоустройство населенного пункта, в котором проживает осужденный и иные виды деятельности [3, с. 33]. Обязательные работы регламентируются частью 3 статьи 88 УК РФ. Основной целью обязательных работ является оказание морального давления на осужденного. Он выражается, во-первых, в занятии практически всего свободного от работы времени общественно полезными работами. Во-вторых, происходит ограничение права осужденного на свободный выбор профессиональной деятельности. Несовершеннолетний осужденный вынужден трудиться вопреки своей воли для того, чтобы отбыть наказание за совершенное преступление. В-третьих, осужденный лишается права получать вознаграждение за труд и соответствующий отдых. Устанавливая данные ограничения, законодатель преследует карательную цель воздействия на осужденного. Ограничение его прав способствует осмыслению несовершеннолетним содеянного и предупреждению совершения преступлений в дальнейшем [3, с. 34].

Для каждого возраста несовершеннолетнего устанавливается соответствующий срок исполнения наказания. От 14 до 15 лет — не более двух часов в день; от 15 до 16 лет — не более трех часов в день, от 16 до 18 лет — не более четырех часов в день. Данные сроки вытекают из положений уголовного законодательства.

Обязательные работы не могут быть назначены в отношении несовершеннолетних, которые имеют первую группу инвалидности, или беременным женщинам. Четвертым видом наказания являются исправительные работы.

Исправительные работы отбываются осужденным по основному месту работы, либо за его неимением — в местах, назначенных органами местного самоуправления, в пределах территории проживания осужденного. Основным отличием исправительных работ от обязательных является то, что обязательные работы выполняются на безвозмездной основе, тогда как за исправительные работы полагается вознаграждение. Кроме того, стаж исправительных работ засчитывается в основной трудовой стаж. [6, с. 15] Для несовершеннолетних срок исправительных работ не может превышать одного года.

Судья при назначении наказания несовершеннолетнему должен руководствоваться рядом обстоятельств:

- возраст несовершеннолетнего (заключение трудового договора возможно с 16 лет);
- учет посильности работ для их выполнения несовершеннолетним (уровень его физической подготовки);
- факторы духовного развития, условия проживания несовершеннолетнего, а также его потребности;
- время его учебы;
- правила охраны здоровья и труда для несовершеннолетнего [4, с. 15].

Таким образом, исправительные работы могут назначаться только с 16-летнего возраста, так как для отбывания наказания необходимо заключать трудовой договор с соответствующей оплатой труда и учетом стажа.

При назначении исправительных работ следует также обратить внимание на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58, где говорится, что указание в приговоре места отбывания осужденным исправительных работ (по основному месту работы или в месте, которое определено органами местного самоуправления в согласовании с уголовно-исполнительной инспекцией) не требуется, место отбывания определяется уголовно-исполнительной инспекцией в ходе исполнения приговора и зависит от наличия или отсутствия у лица основного места работы [9].

С 2010 года в отечественном законодательстве на смену аресту пришло ограничение свободы. В российском уголовном праве ограничение свободы представляет собой введение особых ограничений, среди которых могут быть:

- запрет на изменение места жительства или пребывание в каком-либо месте без согласия уголовно-исполнительной инспекции;
- запрет на выезд за пределы территории муниципального образования, где проживает осужденный. Перечисленные ограничения являются основными.

Кроме того, судья по своему усмотрению может назначить:

- запрет на покидание постоянного места проживания в конкретное время (установление комендантского часа);
- запрет на посещение каких-либо мест в пределах муниципального образования;
- запрет на посещение массовых мероприятий;
- запрет на смену места работы или учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции.

Ограничение свободы не предполагает изоляцию осужденного. На наш взгляд, такой вид наказания эффективнее способствует исправлению осужденного, так как с психологической точки зрения полная изоляция от общества может нанести вред несформировавшейся психике несовершеннолетнего. А при помощи введения некоторых ограничений несовершеннолетний будет осознавать, что наказание за преступление неизбежно и частичная изоляция — это то, что предстоит лицу, совершившему преступление, преодолевать всю

жизнь при совершении иных видов преступных деяний [10, с. 54].

Самым строгим наказанием для несовершеннолетних является лишение свободы на определенный срок. Лишение свободы на определенный срок предполагает изоляцию несовершеннолетнего от общества путем его перемещения в специализированное учреждение для отбывания наказания.

Несовершеннолетним, совершившим преступление в возрасте до 16 лет, максимально назначается лишение свободы на срок не свыше 6 лет. Если лицо до 16 лет совершило тяжкое или особо тяжкое преступление, то допускается лишение свободы сроком не выше 10 лет. Не допускается назначение данного вида наказания несовершеннолетним, которые совершили преступление небольшой тяжести впервые. Отбывания данного вида наказания происходит в воспитательных колониях.

Следует отметить, что в настоящее время законодательство и правоприменительная практика ориентированы на наиболее частое применение в отношении несовершеннолетних наказаний, не связанных с реальным лишением свободы. Однако сам факт привлечения к уголовной ответственности, а также осуждение и судимость являются негативными уголовно-правовыми последствиями совершенного преступления, выступая нередко элементами стигматизации подростка со стороны сверстников. Одновременно возникают виктимологические риски вовлечения несовершеннолетних в дальнейшую противоправную деятельность «вследствие поведения и действий окружающих лиц». В связи

с изложенным, как представляется, давно назрела необходимость формирования не только ювенальной системы правосудия, основанной на разработке и внедрении исправительных центров, но и ювенальной системы исполнения наказаний, не связанной с изоляцией от общества. Так, на практике несовершеннолетние осужденные состоят на учете в обычных уголовно-исполнительных инспекциях. Однако очевидно, что за данной категорией лиц требуется более тщательный контроль, так как их родители зачастую не исполняют обязанностей по воспитанию своих детей [7, с. 56].

Учитывая изложенное, обоснованным и практически значимым представляется формулирование и законодательное закрепление в системе особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних особых правил условного осуждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания или отсрочки отбывания наказания. Наличие указанных положений отразит особый характер и степень общественной опасности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также будет способствовать конкретизации уголовно-правового статуса данных лиц.

Интенсивность и характер изменений национального законодательства в рассматриваемой сфере правового регулирования в этом смысле являются своеобразным индикатором демографической политики государства. Тогда как интенсивность правовых преобразований имеет существенное значение для формирования правосознания несовершеннолетних граждан, определения степени развитости права, морали и нравственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Головкин Н. В. Проблема назначения уголовного штрафа в отношении несовершеннолетних // Вопросы российского и международного права. — 2020. — № 9А. — С. 83–84.
3. Головкин Н. В. Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности и исполнение в отношении них наказания. Всероссийская научно-практическая конференция университета // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: «Науки о человеке и обществе». — 2022. — № 1. — С. 33–41.
4. Головкин Н. В. Анализ развития отечественного правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних. Наука и Школа // Общероссийский научно-педагогический журнал. — 2021. — № 2. — С. 15–20.
5. Головкин Н. В., Глушков А. И. Проблемы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности и исполнения в отношении них наказания // Научные труды открытого гуманитарно-экономического университета. — М.: ГУП МО «Коломенская типография». — 2019. — Т. 1. — С. 364–373.
6. Детков А. П., Сафонова Е. П. Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, применяемых в отношении несовершеннолетних // Российско-азиатский правовой журнал. — 2021. — № 2. — С. 4–10.
7. Оразаева П. А., Габдрахманов Ф. В. Проблема назначения наказания несовершеннолетним: уголовно-правовой аспект // Марийский юридический вестник. — 2021. — № 1 (16). — С. 55–59.
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Рос. газета. — 2011. — № 29. — 11 февраля.
9. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Рос. газета. — 2015. — № 295. — 29 декабря.
10. Позднякова С. И. Проблемы назначения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних // В сборнике: ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД, сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. — 2019. — С. 54–56.

Роль жестокости в составе преступления

Кузина Татьяна Васильевна, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

Проблема жестокости никогда не интересовала область уголовного права и не была основным направлением уголовно-правовых исследований. В основном жестокость сыграла роль в рассмотрении некоторых элементов состава преступления. Однако с принятием в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) жестокость стала в центре внимания, а значит, процесс выявления ее основных признаков, необходимых для признания правонарушения как преступник начался.

Так, УК РФ от 1996 г. ст. 63 определяет круг обстоятельств, отягчающих наказание, в который входит понятие жестокости с дополнительным описанием в виде садизма, издевательств, а также мучений для потерпевшего. Само понятие жестокости определяется как использование изощренных методов и способов совершения преступления. То есть чаще всего, когда человек хочет применить к жертве жестокость, он применяет всевозможные пытки, истязания [7]. Так, например, потенциальный преступник может применить яд болезненного действия или сжечь человека заживо. Способов жестокого обращения с жертвой много, и этот список пополняется. Конкретная жестокость зависит и от того, кто хочет ее применить, ибо если в личности виновного присутствуют такие качества и черты, как свирепость, безжалостность и беспощадность, то и способы жестокости будут аморальнее.

Отдельные признаки особой жестокости, издевательств или истязаний потерпевшего являются квалифицирующими признаками, а также характеризуют умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, поскольку именно способ или ситуация свидетельствует о том, что виновный безжалостно совершил преступление [8, с. 40]. Следует также понимать, что лицо, совершившее преступление с особой жестокостью, имеет некоторые психические отклонения, так как стремление ощутить страдания потерпевшего вызывает у преступника «потребность» совершать действия таким образом.

При этом преступления, которые при совершении связаны с особой жестокостью, устрашением, истязанием, физическими или душевными страданиями, сводятся к одному признаку — жестокость. Именно это понятие можно было бы оставить на законодательном уровне, которое включало бы в себя все составляющие его признаки и говорило бы о проявлении социальной или биопсихологической патологии.

Перечисленные формы жестокости не могут способствовать правильной квалификации. Законодателям следует обратить внимание на причины, способствующие этому. А именно, во-первых, особая жестокость не состоит в проявлении особо негативных проявлений, и не только жестокости, ибо особая жестокость прояв-

ляется в том, что потерпевшему причиняются излишние муки и страдания. В конечном счете, жертве причиняется вред, который, возможно, не был основной целью. Либо нарушаются другие важные (помимо основных) объекты уголовно-правовой охраны — честь, достоинство и т. п., либо безосновательно увеличивается вред, причиняемый основному объекту вмешательства.

Во-вторых, поскольку правоприменитель ориентируется на объективные признаки преступления, а суды не всегда учитывают субъективное отношение к особой жестокости избранного преступником способа, в конечном счете забывается, что необходимо правильно оценить намерение преступника. И если установлено, что лицо создавало объективную реальность избранного жестокого способа, то в дальнейшем его действия следует трактовать как совершенные с особой жестокостью.

В-третьих, криминальная характеристика страданий человека не всегда оценивается должным образом, поскольку именно жестокий метод предполагает излишние отдельные страдания и страданий.

Следует разобраться с понятием «особая жестокость» и «особые страдания», которые так часто встречаются в уголовном законе. Так, в теории уголовного права ученые трактуют особую жестокость как причиняющее прижизненное страдание [9, с. 8]. Кроме того, существует достаточно много употреблений синонимичных выражений по отношению к особой жестокости, и каждое из них будет иметь явно оценочный характер. Так, характеризуя особую жестокость как сильные страдания, А. Н. Попов вводит признак продолжительности, протяженности во времени [5, с. 361].

Помимо продолжительности и протяженности, можно сказать и про интенсивность, которую также выделяет А. Г. Меньшикова. По ее мнению, «именно определенная величина интенсивности и длительности боли характеризует ее как особую, что в свою очередь позволяет констатировать наличие особых страданий, которые выступают результатом особой жестокости» [2, с. 15]. Было бы правильным, в действительности, определять страдания потерпевшего медицинским способом, благодаря которому оценка страдания и жестокости приобрела бы «особый» характер.

Кроме того, необходимо будет рассмотреть иные способы совершения преступления, которые будут оцениваться как отягчающие обстоятельства. Следующим является садизм, который в широком смысле следует понимать как склонность к применению насилия и получению удовольствия от мучений жертвы, а также страданий близких. Возникает вопрос: от чего у потенциального преступника возникает такая черта, как садизм? Или это не черта, а болезнь, психическое расстройство?

В судебной психиатрии садизмом считается самостоятельное психическое расстройство, связанное с сексуальными переживаниями, которые человек испытывает во время пыток потерпевшего. Садизм выступает как проявление расстройства гендерной идентичности, которое, в свою очередь, связано с переживанием боли и унижения как важного начала сексуального удовлетворения.

Можно сказать, что желание причинить боль не является первостепенным признаком садизма, а именно полное подчинение жертвы своей власти, сделав беспомощным объектом своих возможностей будет выступать главенствующим звеном. А унижение и порабощение — это средства достижения желаемого результата. И самая радикальная цель, как было сказано Э. Фроммом, это заставить его страдать, ибо нет большей власти над человеком, чем принуждать его терпеть страдания [11, с. 260].

Разобравшись, можно назвать причины садизма, а именно, это может быть передача на генном уровне, как биологический процесс или последствия психологической травмы, нанесенной в неосознанном возрасте. Повышенная опасность будет заключаться в том, что человек, применяющий садизм, подвержен сексуальному влечению, а также стремится добиться удовлетворения путем совершения преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Таким образом, нельзя не включить садизм в качестве отягчающего обстоятельства.

Помимо жестокости и садизма, следует рассмотреть также издевательства при совершении преступления. Под издевательством принято понимать действия виновного, которые совершены в грубой, циничной форме

и направлены на унижение чести и человеческого достоинства, нанесение физических и моральных страданий потерпевшему [4, с. 24], которые совершаются с помощью словесного запугивания, унижения, физического насилия. Если рассмотреть потенциального преступника, то ему должны быть свойственны такие черты как агрессивность и гнев, переходящие в спокойное состояние. Лицо, которое использует издевательства в совершении преступления, пытается доминировать над жертвой, чтобы та чувствовала манипуляции и тем самым была подчинена преступнику. Например, человек, который будет подвластен словесным запугиваниям и унижениям, может из-за психологической травмы совершить самоубийство. В данном случае это будет квалифицироваться в уголовном праве как «Доведение до самоубийства» (ст. 110 УК РФ) [10].

Все перечисленные способы совершения преступления таким или иным образом предусматривают последствия, а именно вытекающие из них всех мучения для потерпевшего. Под мучениями понимают действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья или тепла, либо помещения потерпевшего во вредные для здоровья условия (или оставление в таких условиях), либо другие сходные действия [1, с. 170]. Мучения — это специфический результат, который преследует лицо, совершающее преступление.

Таким образом, мучения можно определить либо как действия, причиняющие потерпевшему страдания, либо как их неизбежный результат. В последнем случае понятия «мучение» и «страдание» следует рассматривать как совпадающие. Если же расценивать мучение как действие, то оно близко к издевательству, при котором потерпевшему также причиняются страдания [3, с. 67].

Литература:

1. Курс уголовного права. В 5-ти т. Т. 3: Особенная часть / Г.Н. Борзенков, В.И. Зубкова, Н.Ф. Кузнецова и др.; под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. — М.: Зерцало-М, 2002. — 468 с.
2. Меньшикова А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Г. Меньшикова. — Екатеринбург, 2015. — 26 с.
3. Меньшикова А. Г. Соотношение понятий «Особая жестокость», «издевательства» и «мучения» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ / А. Г. Меньшикова // Российский юридический журнал. — 2014. — С. 65–70.
4. Попова Н. П. Ответственность за преступления, совершенные с особой жестокостью: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. П. Попова. — М., 2005. — 195 с.
5. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А. Н. Попов. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 896 с.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 / Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642>
7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 № 16 / Информационно-правовой портал ГАРАНТ. РУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70712364/>
8. Серегина Е. В. Сложности уголовно-правовой оценки признаков преступлений, совершенных с особой жестокостью / Е. В. Серегина, Т. А. Казанова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 5–2. — С. 269–272.

9. Тришина К. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис.. канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. В. Тришина. — Саратов, 2009. — 22 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ / Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
11. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм; пер. с нем. В. Закса, пер. с англ. Т. Панфиловой. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. — 572 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Актуальные проблемы следственных действий, связанных с ограничением прав и свобод человека

Гордиенко Полина Николаевна, студент;
Чиркова Ульяна Николаевна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье авторы производят анализ следственных действий, ограничивающих права гражданина и человека, на основе данного анализа происходит выявление проблем и направления совершенствования в уголовно-процессуальном праве относительно следственных действий, которые содержат ограничение прав и свобод человека.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальный закон, ограничение прав и свобод человека и гражданина.

Успешность расследования преступного деяния ставится в зависимость от своевременного и продуктивного производства следственных действий, благодаря которым происходит накопление доказательственной базы. Именно этот фактор обуславливает актуальность исследования нормативной основы и практики правоприменительного производства следственных действий, особенно тех, которые связаны с ограничением прав человека. Более того институт следственных действий принято считать фундаментальным элементом системы тактических приемов, помогающих в расследовании преступлений.

Законодательные конструкции следственных действий, ограничивающие права гражданина и человека, недостаточно доработаны, что приводит к систематическим обращениям с жалобами в высшие судебные инстанции, поэтому системе в этом случае ничего не остается, как принимать сторону обвинения, чтобы не снизить уровень раскрываемости преступлений и не добавить работы и без того загруженным правоохранителям.

Важно сказать, что следственные действия не получили единую систематизацию в общей норме, что характерно, например, для оперативно-розыскных мероприятий, получивших законодательную фиксацию в статье 6 Федерального закона от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4]. Правовое отнесение следственных действий к виду процессуальных произведено теоретиками и практиками юридической науки, при этом между учеными до сих пор не имеется стойкости и единства в выработке определения «следственное действие» и их системы.

В особых ситуациях самыми продуктивными становятся такие следственные действия как обыск, выемка из жилища, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соедине-

ниях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Перечисленные действия уголовно-процессуального характера непосредственно ограничивают на конституционные права человека, что ознаменовало их особую регламентацию. В соответствии с предписаниями статей 23 и 25 Конституции РФ [1] и ч. 2 статьи 29 УПК РФ [3] их производство возможно только при получении судебного решения, а при невозможности их отложения — при последующем проведении проверочных мероприятий судом на соблюдение принципов законности и обоснованности в ходе их производства. Подобные факты вызывают дискуссии относительно порядка проведения некоторых следственных действий. Важно отметить, что юридическая наука не сформировала единой позиции по отношению к их понятию, сущности, перечню и иным важным вопросам, что также становится катализатором для возникновения трудностей в процессе ведения уголовного судопроизводства, достижения его основных целей [5, с. 302].

Основания для назначения и производства следственных действий, вызывающих ограничение конституционных прав и законных интересов граждан, могут быть разделены на две группы: материально-правовые и формально-правовые. Формальные по своему характеру правовые основания видятся допустимыми и вероятными только в пределах осуществляемой следователем (дознавателем) деятельности по предварительному расследованию каждого уголовного дела, возбуждаемого в соответствии со статьей 146 УПК РФ и подлежащему расследованию в рамках сроков, также определенных законодателем. Материально-правовые причины для производства следственных действий, содержащих возможность ограничения конституционных прав человека, представлены совокупностью доказательств [6, с. 396]. Поэтому следственные действия, вызывающие ограничение конститу-

ционных прав, требуют судебной легализации. Сущность судебного разрешения на производство следственных действий сведена к организации процесса проверки полноты и убедительности поводов для ограничивающей конституционные права граждан деятельности.

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты по исследуемой теме и предложим направления их совершенствования.

1. В Российской Федерации в 1990-е годы законодателем была определена возможность проведения действия оперативно-розыскного характера, именуемого как прослушивание телефонных переговоров и снятие введений с каналов связи. Позже такое же по внутреннему содержанию следственное действие получило регламентацию в УПК РФ.

В качестве предмета исследуемого следственного действия надо понимать переговоры, происходящие благодаря телефонному аппарату, а также иные — по всем другим имеющимся в распоряжении общества средствами электросвязи [8, с. 41].

Согласно ч. 7 ст. 185 УПК, которой данная статья дополнена в 2016 г., при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка. Актуальность и практическую значимость данной нормы для раскрытия и расследования преступлений невозможно переоценить.

Однако внесение в ст. 185 УПК РФ положения об осмотре и выемке электронных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, создает сложности для органов предварительного расследования в ее реализации. Исходя из логики, если новелла была внесена в законодательные нормы, регулирующие производство следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», то предусмотренные ею предписания должны учитывать содержание, предмет и форму этого следственного действия, соответствовать нормативным правовым актам, регулирующим общественные отношения в области распространения информации в сети Интернет. В действительности между данными категориями возникает юридическая коллизия, которая не позволит получать электронные и иные сообщения, передаваемые по сетям электросвязи.

Нарастающий темп научного прогресса в сфере связи становится детерминантом для расширения возможностей и способов обмена данными. При этом нормы уголовно-процессуального законодательства должны отражать этот процесс не перечислением средств связи, а выработкой объективного понятия общего характера, основанного на положениях законодательства о связи. Это создаст возможность для получения информации, передаваемой по вновь созданным и разработанным средствам электросвязи, избегая бесконечных корректировок УПК РФ.

Особо стоит остановиться на проблеме, обусловленной вопросом разрешения ходатайства о проведении рассматриваемого следственного действия. Так, к примеру, дело может содержать достаточный объем информации, подтверждающей причастность конкретного человека к преступлению, или сведений о том, что беседы другой личностью значимы для дальнейшего хода уголовного дела, но отсутствует доказательственный материал и стопроцентная уверенность в принадлежности телефонного номера лицу, попавшему под контроль [7, с.233]. В суд с рапортами оперативных сотрудников направляются сведения, удостоверяющие принадлежность номера или IP адреса подконтрольному субъекту. Суд здесь руководствуется слепой верой в достоверность изложенных в рапорте фактов, что может в результате повлечь нарушение конституционных прав личности, даже не являющейся стороной в деле. Статьей 186 УПК РФ в качестве объекта контроля телефонных переговоров называется не конкретный номер, а конкретное лицо — абонент, пользующийся услугами связи. В случае, когда применяемый подконтрольным лицом абонентский номер, IP адрес зарегистрированы на иное лицо, на сотрудников органов предварительного расследования возлагается обязанность по предъявлению в судебное заседание доказательств их использования именно проверяемым лицом, причастным к факту преступного деликта. Иное становится основанием для отказа в удовлетворении ходатайства.

Таким образом, на основе проведенного анализа, можно предложить иную формулировку положений п. 14.1 статьи 5 УПК РФ: «контроль соединений средств электросвязи — следственное действие, состоящее в контроле и фиксации содержания сведений, передача которых происходит по средствам электросвязи; осмотр и прослушивание фонограмм зафиксированных голосовых сообщений; осмотр распечаток зафиксированных неголосовых сообщений».

2. При реализации контрольных мероприятий в рамках производства по уголовному делу подобная ситуация может возникнуть, особо это касается таких следственных действий как осмотр и выемка в жилище (ст. ст. 182, 183 УПК РФ).

В границах уголовного судопроизводства неприкосновенность жилища сводится к таким моментам:

1. Осмотр такого помещения может быть реализован только при наличии согласия на это лиц, которые проживают в нем либо при получении судебного разрешения;

2. Обыск и выемка требуют обязательного судебного одобрения в форме решения.

Важно сказать, что действие данного принципа распространяется и на граждан, находящихся в жилом помещении на законных основаниях, возникающих не только из права собственности на него или найма, но и из договоров аренды, а также иных обстоятельств, которые влекут непосредственное и постоянное пользование жилищем [7, с. 234]. Право на неприкосновенность жилища не всегда ставится в зависимость от наличия права на жилище.

Во время проведения следственных действий в жилище следователем должны быть предприняты предупредительные меры, не допускающие утечку данных, полученных в процессе проведения обыска (выемки) в жилом помещении, личной и семейной тайны лица, в отношении которого эти действия производятся, а также данных частного характера, затрагивающих жизнь других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК РФ). Законодатель не определил перечень таких мер, способы и их выбор самостоятельно определяются следователем с учетом обстоятельств дела, обстановки расследования и имеющихся у него ресурсов, в том числе и людских.

К сожалению, практике известны случаи «трансформации» осмотра жилища в производство обыска. Следователь, дознаватель совершают действия, не входящие в понятие осмотра (осмотр содержимого шкафов, ящиков, личных вещей и т. д.).

В целях предупреждения нарушения правил осуществления следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, сопряженных с ограничением неприкосновенности жилища, можно предложить рекомендуемые правила для уполномоченных работников правоохранительных структур:

1) Принцип неприкосновенности жилого помещения подлежит соблюдению как по месту постоянного жительства человека, так и по месту его временного пребывания (автомобиль, купе поезда, каюта парохода, номер в гостинице, туристическая палатка, иное помещение, в котором человек находится временно).

2) Производство следственных действий внутри жилого помещения допустимо при получении согласия лиц, которые в нем проживают, и на основе судебного решения. За исключением случаев, которые не терпят промедления.

3) Также надо сказать, что при осмотре жилища в протоколе в письменной форме фиксируется согласие лиц

на подобные процессуальные действия, что удостоверяется всеми участниками перед его началом. Это поможет исключить последующий отказ жильцов от данного ими согласия.

4) В ситуации несогласия одного из лиц, проживающих в жилом помещении, с производством действий следственного характера, дознаватель обращается в суд для получения соответствующего разрешения о возможности их реализации при отсутствии согласия.

5) На следователя и дознавателя до начала производства осмотра ложиться обязанность по разъяснению жильцам возможности изъятия предметов, обладающих ценными свойствами для дальнейшего продвижения дела.

Представляется, что назрела необходимость предусмотреть в УПК РФ новые следственные действия, проводимые в сфере информационных технологий. Во избежание злоупотреблений и ошибок на практике целесообразно также установить процессуальный порядок их производства. При этом вполне возможно появление новой главы УПК РФ, посвященной правилам производства следственных действий, связанных с электронными носителями информации, а не просто добавление в предусмотренный законом перечень видов осмотра или обыска новых их разновидностей. Все это в настоящее время требует большего внимания законодателя, диктует необходимость особых процессуальных правил.

Подводя итог, можно заключить, что систематизировать что-либо — значит упорядочить. Порядок в системе и процедуре уголовно-процессуальных следственных действий исключительно важен на практике, так как следственные действия — основной способ собирания доказательств. В юридической литературе неоднократно высказывались предложения о включении понятия «следственное действие» непосредственно в текст УПК РФ. Данные предложения, безусловно, заслуживают поддержки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
5. Михайловская, О. В. Процессуальные основания производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан / О. В. Михайловская // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09–10 апреля 2020 года. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. — С. 301–305.
6. Михайловская, О. В. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан: вопросы теории и практики / О. В. Михайловская // Теория и практика расследования преступлений: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар, 15 апреля 2021 года / Редколлегия: Э. С. Данильян [и др.]. — Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение выс-

шего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. — С. 395–404.

7. Орлов, А. О. О некоторых проблемных вопросах производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан / А. О. Орлов // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: Материалы II Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2018 года / Под общей редакцией А. М. Багмета. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. — С. 233–235.
8. Поляков, Н. М. Следственные действия, ограничивающие конституционные права и свободы граждан / Н. М. Поляков // Студенческий. — 2019. — № 1–5 (45). — С. 40–44.

Защита информации о личности как способ обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

Дзусов Руслан Сергеевич, студент

Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

Автор работы ставит цель — рассмотреть защиту информации о личности как способ обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Для достижения указанной цели необходимо решить ряд задач:

- провести анализ действующего законодательства РФ в области защиты информации о личности;
- проанализировать положения законодательства РФ в области обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства;
- в связи с рассматриваемыми в работе вопросами, привести некоторые статистические данные о состоянии преступности в РФ;
- сделать собственные выводы по рассмотренным в работе вопросам, сформулировать предложения по усовершенствованию уголовно — процессуального законодательства РФ в области обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Актуальность работы обоснована тем, что ежегодно в стране регистрируется значительное количество преступлений, в процессе расследования которых затрагиваются права не только лиц, обвиняемых в совершении преступлений, но и права других лиц — участников уголовного судопроизводства.

По данным, опубликованным МВД РФ, за 2021 г. в РФ зарегистрировано более 2 млн преступлений, включая тяжкие и особо тяжкие преступления [6, с. 2].

Таким образом, учитывая общее количество зарегистрированных преступлений, в ходе их расследования затрагиваются права еще большего количества лиц-участников уголовного судопроизводства, могут быть затронуты права их близких родственников, родственников и близких лиц, в том числе и права, связанные с защитой их жизни, здоровья и имущества.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ «уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель [2]».

В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления [2]».

На стадиях досудебного и судебного производства должностные лица органов, уполномоченных расследовать преступления, органов надзора и контроля, суда проводят определенные законом процессуальные действия, в процессе осуществления которых затрагиваются права участников уголовного судопроизводства.

Так, в ходе предварительного расследования следователь или дознаватель проводит следственные действия, документирует их ход и результаты (например: оформляет протоколы), в ходе судебного производства (например: допроса свидетеля в рамках судебного следствия), также, оформляются установленные законом документы [2].

В процессуальных документах, кроме прочих частей, содержится и т. н. анкетная часть, в которую должностные лица органов дознания, следствия, суда вносят данные, которые относятся непосредственно к личности участников уголовного судопроизводства: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, сведения об образовании, сведения о семейном положении, сведения о месте работы, сведения о месте регистрации и месте жительства, контактный телефон и др.

Истребование подобной информации должностными лицами, уполномоченными осуществлять досудебное и судебное производство, с одной стороны, представляется понятным и обоснованным, поскольку, может возникнуть необходимость в проведении других следственных действий с участием данного человека, направлением ему повестки (следователя, в суд).

С другой стороны, по мнению автора работы, доступность подобной информации для обвиняемого, при наличии определенных фактов (определенных: характере и степени общественной опасности совершенного пре-

ступления, личности обвиняемого, его физиологических, психологических и психических особенностей, склонностей, социальных связей, профессиональных навыков использования оружия и пр.) может создавать риски безопасности жизни, здоровья, имущества других участников уголовного процесса, их близких родственников, родственников, близких лиц.

Вышеуказанная информация (в т. ч. данные о месте жительства, месте работы, семейном положении, контактные данные участников уголовного судопроизводства) доступна обвиняемому, поскольку, в соответствии с нормами действующего уголовно — процессуального закона (ст. ст. 47, 217 УПК РФ) обвиняемый и его защитник имеют право ознакомливаться с материалами уголовного дела «и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме [2]».

Автор работы считает вполне реальным и объяснимым то, что обвиняемый может испытывать негативные эмоции по отношению к другим участникам уголовного судопроизводства, иметь в отношении указанных лиц преступные замыслы и намерения. Вместе с тем, как было отмечено выше, обвиняемый имеет доступ к материалам уголовного дела и может получить информацию о месте жительства, семейном положении, месте регистрации, контактном телефоне и другую информацию, относящуюся к частной жизни лица — участника уголовного судопроизводства (потерпевшего, свидетеля, понятого и др.), в т. ч. к его личной и семейной тайне.

Для понимания числа лиц, чьи права, таким образом, в том или ином объеме могут быть затронуты при осуществлении расследования преступлений приведем некоторые статистические данные о состоянии преступности, опубликованные МВД РФ за период с января по декабрь 2021 г. в РФ:

- зарегистрировано свыше 2 млн преступлений;
- ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 834,5 млрд руб;
- удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений составил свыше 27%;
- зарегистрировано 2136 преступлений террористического характера и 1057 преступлений экстремистской направленности;
- количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия составило 23, 5 тыс;
- использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств совершено 4,7 тыс. преступлений;
- 60% расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления;
- организованными группами или преступными сообществами совершено 21,4 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений;
- зарегистрировано преступлений против личности 254128, из них:
- убийств и покушений на убийство 7332;

- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью 17894;
- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью 53275 [6, с. 2–6].

Как следует из приведенных выше статистических данных за представленный период, количество совершенных преступлений существенно.

При расследовании этих преступлений, в соответствии с нормами действующего законодательства РФ будут проведены необходимые процессуальные действия с участием и в отношении не только обвиняемых, но и других лиц — участников уголовного судопроизводства, в связи с чем, в том или ином объеме, будут затронуты их права, в том числе и права в области защиты жизни, здоровья, имущества и пр.

По мнению автора работы, очевидно, что осознание участниками уголовного судопроизводства (потерпевшими, свидетелями и др.) того обстоятельства, что обвиняемому (обвиняемым) в совершении вышеуказанных преступлений может быть известна информация о месте жительства, месте работы и другие контактные данные участников уголовного судопроизводства (потерпевших, свидетелей и др.) может негативно сказаться на достоверности показаний и качестве доказательной базы в целом.

При наличии определенных обстоятельств, о которых сказано выше, потерпевшие, свидетели и др. лица — участники уголовного судопроизводства могут испытывать страх за свою жизнь, здоровье, имущество, за жизнь, здоровье и имущество своих близких родственников, родственников и близких лиц, в связи с чем, руководствуясь инстинктом самосохранения, давать недостоверные показания, смягчающие или исключаящие назначение обвиняемому (подсудимому) справедливого наказания.

Как считает автор работы, доступность вышеуказанной информации для обвиняемого (особенно, для обвиняемого в совершении тяжких и особо тяжких преступлений; преступлений террористического характера и экстремистской направленности; преступлений против личности; преступлений связанных с незаконным оборотом оружия и пр.) создает существенные риски безопасности других участников уголовного судопроизводства.

Учитывая вышесказанное, возникает вопрос: могут ли быть нарушены в ходе уголовного судопроизводства конституционные права его участников, связанные с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайной, что создаст угрозу безопасности указанных лиц?

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» ...

В соответствии с ч. 1 ст. 24 Конституции РФ «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» [1].

По мнению автора работы, подобная информация (в т. ч. информация о семейном положении, адресе места жительства, адресе регистрации, контактный номер те-

лефона) относится к частной жизни человека и может составлять личную и семейную тайну и не подлежать собиранию и распространению без согласия лица, к которому данная информация относится.

В соответствии с ч. 1 ст. 137 УК РФ за «незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия» ... предусмотрено уголовное наказание [3].

Исходя из смысла положений ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152 ФЗ «О персональных данных» следует, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 6 указанного федерального закона «обработка персональных данных осуществляется в связи с участием лица в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах» и в этих случаях не требуется согласие лица — субъекта персональных данных на обработку относящихся к этому лицу персональных данных [5].

Однако, персональные данные могут содержать информацию о частной жизни, личную и семейную тайну, которые, как уже было сказано выше, охраняются нормами Конституции РФ (ст. ст. 23,24), нормой УК РФ (ст. 137), за нарушение которой предусмотрена уголовная ответственность [1, 3].

Таким образом, можно констатировать, что даже являясь участником уголовного судопроизводства, в соответствии с конституционными положениями, лицо вправе защищать (в том числе и в целях обеспечения собственной безопасности, безопасности своих близких родственников, родственников, близких лиц, сохранности имущества): не предоставлять, не разглашать, не сообщать определенную информацию о себе, своей частной жизни, своей семье, своих близких, информацию о своем жилище, о своем месте пребывания и прочую информацию, которая, по мнению этого лица, касается его частной жизни, составляет его личную и семейную тайну.

Ответим на следующий вопрос: как в рамках действующего законодательства обеспечить охрану указанных прав участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников и близких лиц?

УПК РФ содержит нормы, предусматривающие обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166 УПК РФ; ч. 2 ст. 186 УПК РФ; ч. 8 ст. 193 УПК РФ; п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ и ч. 5 ст. 278 УПК

РФ, иные меры безопасности предусмотренные законодательством РФ [2]».

В этой связи, следует сказать и о положениях Федерального закона от 20.08.2004 № 119 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», предусматривающих возможность государственной защиты указанных лиц [4].

Необходимо отметить, что не всем участникам уголовного судопроизводства (не всем потерпевшим, свидетелям, понятым и др.) могут быть известны и понятны рассмотренные в работе положения Конституции РФ, положения УПК РФ, положения федеральных законов, в частности, касающиеся безопасности участников уголовного судопроизводства, их прав, гарантированных государством.

Согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ «суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав [2]».

По мнению автора работы, на основании рассмотренных выше положений Конституции (ст. ст. 23, 24) лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве вправе защищать неприкосновенность своей частной жизни, личную и семейную тайну, в том числе и в целях обеспечения собственной безопасности, безопасности своих близких родственников, родственников, близких лиц и имущества и не предоставлять посторонним лицам такую информацию.

Исходя из вышесказанного, по мнению автора работы, в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства возможна конкретизация положений ст. 11 УПК РФ и внесение некоторых дополнений.

Как мы считаем, в ст. 11 УПК РФ отдельно могла бы быть предусмотрена обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, связанные с обеспечением их безопасности, в том числе, обязанность разъяснять положения, предусмотренные ст. ст. 23, 24 Конституции РФ, защищающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, информацию о частной жизни лица; положения ч. 3 ст. 11 УПК РФ; положения Федерального закона от 20.08.2004 № 119 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусматривающие применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников и близких лиц, имущества.

Внесение таких дополнений в ст. 11 УПК РФ, по нашему мнению, способствовало бы, во первых: повышению уровня безопасности участников уголовного судопроизводства, а, во — вторых: повышению качества доказа-

тельной базы по расследуемым уголовным делам в ходе досудебного и судебного расследования, в связи с тем, что реализуя вышеуказанные права, свидетели и другие участники уголовного судопроизводства не испыты-

вали бы опасений за свою жизнь, здоровье, имущество, за жизнь, здоровье, имущество своих близких родственников, родственников и близких лиц, в связи с чем, давали бы достоверные показания.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 11.11.2022 г., 14.11.2022 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (Электронный ресурс) // Официальный интернет — портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 11.11.2022 г., 14.11.2022 г.).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 ФЗ (Электронный ресурс) // Официальный интернет — портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 11.11.2022 г.).
4. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Официальный интернет — портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088392> (дата обращения 11.11.2022 г.).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152 ФЗ «О персональных данных» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261> (дата обращения: 11.11.2022 г.).
6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. Москва. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» (Электронный ресурс) // Официальный интернет-сайт МВД РФ // <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 11.11.2022 г.).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Мотивированность приговора как требование, предъявляемое к акту правосудия

Марьева Любовь Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирдина Наталия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Цель. Раскрытие смысла мотивированности приговора.

Метод. На основании системно-структурного, формально-юридического, сравнительно-правового методов проанализировано требование мотивированности приговора.

Результат. Раскрыто определение приговора суда. Обозначены основные требования, предъявляемые к приговору: законность, обоснованность и справедливость. Проанализированы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выдержки из постановлений Европейского Суда по правам человека, касающиеся определения свойства мотивированности приговора. Проанализирована учебная литература по вопросу понимания требования мотивированности приговора. Предложено внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации путем закрепления в ст. 297 требования мотивированности, наряду с законностью, обоснованностью и справедливостью.

Вывод. Необходимо внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации путем закрепления в ст. 297 требования мотивированности, наряду с законностью, обоснованностью и справедливостью.

Ключевые слова: законность, обоснованность, справедливость и мотивированность приговора.

The reasonableness of the court's verdict as a requirement for an act of justice

Maryeva Lyubov Vladimirovna, master student

Scientific adviser: Kirdina Natalia Anatolievna, candidate of legal sciences, Associate Professor
Saratov State Law Academy

Target. Disclosure of the meaning of the motivation of the sentence.

Method. On the basis of system-structural, formal-legal, comparative-legal methods, the property of the motivation of the sentence is analyzed.

Result. The definition of a court verdict is disclosed. The main requirements for the verdict are outlined: legality, validity and fairness. The Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, excerpts from the rulings of the European Court of Human Rights concerning the determination of the property of the motivation of the sentence are analyzed. The educational literature on the issue of understanding the requirement of a motivated sentence has been analyzed. It is proposed to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by fixing it in Art. 297 requirements of motivation, along with legality, validity and justice.

Conclusion. It is necessary to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by fixing it in Art. 297 requirements of motivation, along with legality, validity and justice.

Keywords: legality, validity, justice and motivation of the sentence.

Под приговором в научной литературе понимается решение по уголовному делу суда первой и апелляционной инстанции, вынесенное именем государства на основе исследованных по уголовному делу доказательств

по вопросу о виновности либо невиновности подсудимого и о применении либо неприменении к нему уголовного наказания или освобождения от отбывания наказания в случае признания виновности доказанной [3].

В соответствии со ст. 297 УПК РФ, закон предъявляет к приговору, как к акту правосудия, ряд требований. Основные требования — законность, обоснованность и справедливость. Однако, наряду с другими требованиями в литературе нередко выделяют еще одного требования к приговору — мотивированность [1].

Означает ли это, что мотивированность приговора не является обязательным условием его правосудности?

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ обязательное требование мотивированности установлено на всех процессуальных стадиях и вытекающих из них решениях по уголовному делу, кроме приговора суда. Отсутствие требования мотивированности заставляет задуматься о формальном подходе законодателя к требованиям, предъявляемым к приговору [1].

Нередко в общей теории права авторы ошибочно отождествляют требования мотивированности и справедливости. Такое отождествление неприемлемо ни в законотворческой деятельности, ни тем более в правоприменительной деятельности, а так же при осуществлении правосудия и вынесении приговора по уголовному делу.

Как видно, обозначенные в ст. 297 УПК РФ правовые понятия, устанавливающие обязательные свойства приговора, хотя и являются смежными, но не совпадают. Если бы законность приговора включала в себя обоснованность, законодатель незначительно бы указывать оба эти требования одновременно [1]. Но если законодатель выделяет мотивированность формально — обязательным свойством, то в каких нормах закона эта обязательность устанавливается?

Представляется, что обозначенная нами проблема должна толковаться в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где указано: «В приговоре необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту» [2]. «Суд в описательно-мотивировочной части приговора приводит мотивы признания подсудимого виновным в одних преступлениях и оправдания по обвинению в других...» [2]. «При постановлении оправдательного приговора приводятся мотивы, по которым суд отверг доказательства, положенные в основу обвинения».. [2]. Приведенные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствуют требованиям УПК РФ, которые содержат императивные требования о приведении в приговоре мотивов, по которым суд отвергает те или иные доказательства.

В постановлениях ЕСПЧ очень точно выражено значение мотивированности судебных актов: «Еще одна роль мотивированного решения состоит в том, что оно доказывает сторонам, что их позиции были заслушаны. Кроме того, мотивированное решение дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а апелляционной инстанции — возможность пересмотреть его» [4].

ЕСПЧ так же в своих постановлениях разъясняет, что «изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности

проследить отправление правосудия» [4], российские ученые последовательно отмечают, что немотивированные акты противоречат принципу прозрачности судебной власти и правосудия, которые являются необходимыми условиями осуществления за ними эффективного контроля.

Мотивированный приговор должен предполагать указание на конкретные, достаточные основания, в соответствии с которыми суд предпочел одни выводы другим. Мотивированность выступает неотъемлемой частью законности, обоснованности и справедливости приговора, требованием подлежащим неукоснительному соблюдению, в процессе принятия итогового решения по уголовному делу, несоблюдение которых влечет отмену итогового решения.

Мотивированность вынесенных решений должна прослеживаться на всем этапе правоприменительной деятельности суда. При этом, мотивированность приговора не может ставиться в зависимость от его законности, обоснованности и справедливости. Немотивированный приговор не может быть признан законным и обоснованным. Требование мотивировки приговора стимулирует принятие судом обоснованных решений, обеспечивает убедительность приговора и способствует проверке его законности и обоснованности» [5].

Требование вынесения мотивированного решения — это так же требование уважения чести и достоинства личности. Это свойство является подтверждением, что государство, в лице суда, действительно выслушало и поняло человека в ходе производства по делу, где суд не только надлежащим образом организовал коммуникацию, но и дал им ответ, содержащийся в итоговом решении.

Следует отметить, что судебный акт, не наделенный свойством мотивированности, не выполняет функцию социальной направленности, а значит не является доступным для понимания и ориентирующим для общественного правосознания.

Проблема отсутствия «мотивированности» судебных актов влечет большое накопление жалоб и обращений граждан в вышестоящую инстанцию, для отстаивания нарушенных прав.

Вышестоящие судебные инстанции отменяют нижестоящие судебные решения в связи с нарушением требования мотивированности, в надежде, что правоприменители смогут сделать свои акты более ясными для населения и не будут избегать от обязанности аргументировать свои акты.

Существующие в научной литературе утверждения о том, что уголовный закон не содержит требования мотивированности, является необоснованным, поскольку это требование отражено в нормах закона, касающихся описательно-мотивировочной части акта правосудия. Представляется, что ст. 297 УПК РФ должна быть изменена, путем включения требования мотивированности приговора, как акта правосудия.

В обоснование своей точки зрения хочется отметить, что все выводы суда обоснованы доказательствами, все

принимаемые решения объясняются соответствующими доводами. Мотивированным является приговор, при изложении которого перечислены судебные доказательства, приведены доводы и нормы закона, положенные

в его основу. Являясь внешним выражением обоснованности приговора, его мотивированность позволяет наглядно проследить связь доказательств с выводами и решениями суда.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022.) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре // «Российская газета». № 277. 07.12.2016.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. С. 869.
4. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов, через призму постановлений Европейского Суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 11–14.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009. С. 728.729.

Современные проблемы постановления оправдательного приговора

Марьева Любовь Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирдина Наталия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Цель: рассмотрение специфики оправдательного приговора, определение проблемы законности, обоснованности и справедливости оправдательного приговора.

Метод: на основании системно-структурного, формально-юридического, сравнительно-правового методов проанализирована специфика вынесения оправдательного приговора.

Результат: Автором рассмотрены основания постановления оправдательного приговора. Соотнесены и проанализированы основания постановления оправдательного приговора, существовавшие в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР и существующие в ныне действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Вывод: предлагается дополнить ч. 7 ст. 246 УПК РФ предложением следующего содержания: «Отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 настоящего Кодекса, влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а также возникновение права на реабилитацию».

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, приговор, оправдательный приговор.

Modern problems of the decision of the acquittal

Maryeva Lyubov Vladimirovna, master student

Scientific advisor^ Kirdina Natalia Anatolievna, candidate of legal sciences, associate professor

Saratov State Law Academy

Purpose: consideration of the specifics of an acquittal, determination of the problem of legality, validity and fairness of an acquittal.

Method: on the basis of system-structural, formal-legal, comparative-legal methods, the specificity of passing an acquittal is analyzed.

Result: The author considered the grounds for the acquittal. The grounds for an acquittal that existed in the Criminal Procedure Code of the RSFSR and exist in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are compared and analyzed.

Conclusion: it is proposed to supplement Part 7 of Art. 246 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with the following sentence: «Refusal of the public prosecutor from the prosecution during the trial on the grounds provided for in clauses 1 and 2 of the first part of Article 24 and clause 1 of the first part of Article 27 of this Code, entails the termination of the criminal case or criminal prosecution, and as well as the emergence of the right to rehabilitation.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, verdict, acquittal.

Ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ включает четыре основания постановления оправдательного приговора: отсутствие события преступления; непричастность подсудимого к совершению преступления; отсутствие состава преступления; вынесение оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей (п. п. 1–4 ч. 2 ст. 302) [2].

В науке уголовно-процессуального права уже рассматривался вопрос об оставлении лишь одного основания постановления оправдательного приговора, заменив остальные основания на формулировку «невиновен» [3]. С данной позицией трудно согласиться, поскольку, во-первых, невиновность подсудимого устанавливается вступившим в законную силу оправдательным приговором суда, а, во-вторых, уголовно — процессуальное право связывает с конкретными основаниями постановления оправдательного приговора определенные правовые последствия. Так, в частности, в соответствии с ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора ввиду отсутствия события преступления или вследствие непричастности подсудимого к совершению преступления суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. В случаях, предусмотренных п. п. 3, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, суд оставляет гражданский иск без рассмотрения [2].

Часть оснований влечет за собой необходимость продолжения производства по делу с целью установления лица, виновного в совершении преступления, а в случаях установления непричастности подсудимого к совершению преступления, суд правомочен направить уголовное дело прокурору для принятия мер по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Следовательно, суд в оправдательном приговоре должен точно сформулировать основания для оправдания лица, не причастного к совершенному преступлению, в связи с чем принципиальное значение приобретает вопрос об отграничении оснований для вынесения оправдательного приговора.

При этом оправдательный приговор по любому из оснований означает признание подсудимого невиновным в совершении преступления и влечет его полную реабилитацию и освобождение от уголовной ответственности.

Соответственно, для оправдательного приговора достаточно чтобы вина подсудимого не была доказана должным образом. Уголовно- процессуальный закон не связывает постановление оправдательного приговора с требованием безусловного доказывания невиновности.

Перечень оснований постановления оправдательного приговора, данный в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, является исчерпывающим.

Устанавливается ли истина при постановлении оправдательного приговора? Некоторые ученые-процессуалисты отвечают на данный вопрос отрицательно. Так, например, Я. О. Мотовиловкер писал, что: «Когда подсудимый оправдывается судом в связи с недоказанностью обвинения или толкованием непреодолимых сомнений

в интересах подсудимого, речь должна идти не о применении принципа объективной истины, а об исключении из этого принципа». [4].

Среди современных ученых похожий взгляд на решение данной проблемы имеет В. А. Лазарева, которая категорично заявляет: «Совершенно очевидно, что при вынесении оправдательного приговора вследствие недоказанности обвинения объективная истина остается неустановленной». [5].

В науке отечественного уголовно-процессуального права закреплялись различные основания постановления оправдательного приговора. Впоследствии, они были закреплены в действующем уголовно-процессуальном законе, с соответствующими изменениями.

Ранее действующий УПК РСФСР (ст. 514) закреплял одним из оснований постановления оправдательного приговора — отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения. Приведенное основание являлось предметом широкого обсуждения в науке и практике уголовного судопроизводства. Статья 514 УПК РСФСР предусматривала оправдание подсудимого по указанному основанию лишь в тех случаях, когда суд не находил возможности оправдать его в связи с отсутствием события преступления, а также когда деяние, совершенное подсудимым, не являлось преступлением, или подсудимый был непричастен к совершению преступления. Вынесение оправдательного приговора по указанному основанию было возможно лишь в случае отказа от поддержания обвинения общественного обвинителя и потерпевшего. Если же потерпевший и общественный обвинитель не отказывались от обвинения, то суд должен был продолжить разбирательство дела и решить вопрос о виновности подсудимого в общем порядке [6].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливал правило, в соответствии с которым отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого на общих основаниях (ст. 310 УПК РСФСР 1922 г., ст. 306 УПК РСФСР 1923 г., ст. 248 УПК РСФСР 1960 г.) [1].

В соответствии с этими положениями закона на суд возлагалась функция обвинения, несвойственная суду, впоследствии от которой законодатель отказался.

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ в случае отказа прокурора от обвинения суд обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование [2].

Перечень оснований вынесения оправдательного приговора в теории уголовно-процессуального права предлагалось дополнить еще одним основанием оправдания — отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения.

Для того, чтобы оправдательный приговор был справедливым, содержащиеся в нем выводы должны иметь надежную правовую опору в объективной действительности, подтвержденной доказательствами по уголовному делу. Опора эта заключается представленной совокупностью доказательств, изобличающих подсудимого.

Оправдание подсудимого основывается на недостаточности доказательств, необходимых для осуждения подсудимого. Следовательно, истинность оправдательного приговора состоит в том, что обвинение не доказано.

Поскольку отказ прокурора от обвинения по реабилитирующим основаниям юридически равнозначен оправдательному приговору, предлагается дополнить ч. 7 ст. 246 УПК РФ предложением следующего содержания: «Отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства по основаниям,

предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 настоящего Кодекса, влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а также возникновение права на реабилитацию».

Разграничение оснований для оправдательного приговора имеет большое практическое значение. Вынесение оправдательных приговоров является важным качественным показателем правосудия. Введенная в действие норма расширяет право подсудимого на защиту.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2001, с изм. от 13.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001 № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Маликов М. Ф. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. (12.00.08) / Казан. Гос ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина — Казань: [б. и.], 1974. С. 3.
4. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса / Под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 1978. С. 54.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: Учеб.-практ. Пособ. М., 2009. С. 34.
6. Татьяна, Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): Автореф. дис. канд. юрид. наук / Д. В. Татьяна. — Челябинск, 2005. — С. 19.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 6 (39) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.01.2023. Дата выхода в свет: 10.01.2023.

Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.